ПИОНЕР 10

П 29
34

К борьбе за рабочее дело, будь готов!

ПИОНЕР

№ 10

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8. Тел. 5-60-76

Май 1934

ПОТОМКИ „ЧЕЛЮСКИНЦЕВ“ в гостях у „Пионера“

Недавно в редакции журнала „Пионер“ встретились писатели Сергей Третьяков и Лев Кассиль с детьми „челюскинцев“.

Вот наши гости: Лида и Вера Водопьяновы, дочери летчика (стоят сзади) Никитин, сын корабельного врача, ниже — Олег Бабушкин, рядом с ним — Вова Водопьянов, потом — писатели Кассиль и Третьяков. Третьяков в очках. Дальше — Полина Бабушкина. В нижнем ряду — Вова Баевский, Зига Шмидт и Алла Баевская. Матери: Бабушкина и Водопьянова — справа.

Ребята рассказывали о том, как они следили за походом „Челюскина“. Когда Зига Шмидт узнал, что отец заболел, он ничего не слышал на занятиях, а потом успокоился и математику сдал хорошо.

Олег Бабушкин рассказал про школу: если ребятам нужно было узнать, что делается в Арктике, то все шли к нему как в справочное бюро.

Потомки „челюскинцев“ не позорят своих отцов они хорошо учатся. Они гордятся своими отцами, но не хвастают тем, что они дети героев. Один из них собирается быть математиком. Мать Олега Бабушкина рассказала, что одно время у него была мечта стать пастухом. Ему понравился кнут пастуха, и он себе полдюжины кнутов наделал. Потом он писателем хотел быть.

Олег Бабушкин рассказал случай с отцом, как он пять дней без вести пропадал. Это было во время нобилевской экспедиции. Он сел на льдину. На льдине была трещина. Он ее сперва не заметил, остановил мотор, сошел с аэроплана, а трещина была уже недалеко, метрах в 20. Тогда он сказал механику: „Надо отправляться“, сделал небольшой разбег и сразу же оторвался от земли. Не уйди он тогда со льдины — плохо было бы. Он так и сказал: „Воду загребу или вверх пойду“, но все-таки пошел вверх.

Потомки „челюскинцев“ пили чай и весело болтали. Опасности были позади — впереди радостная встреча с отцами.

П349
П 29
34

Начальник экспедиции „Челюскина“ тов. Шмидт.

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт №578

РОДИНА ГЕРОЕВ

Макс Зингер

Моему сыну скоро будет восемь лет. Вот уже два месяца, как он читает газеты. Это случилось, когда начальник экспедиции «Челюскина» Отто Юльевич Шмидт сообщил с аварийной станции на плывучей льдине Полярного моря о том, что погиб «Челюскин». Каждое утро приносили новости из лагеря Шмидта о жизни челюскинцев. Каждый номер газеты рассказывал о героическом продвижении летчиков и моряков на Север, в Чукотское море, к челюскинцам. Газеты публиковали географические карты, на которых жирными линиями отмечались отважные полеты и походы летчиков и моряков.

Московская весна растопила снега, и, весело журча, побежали ручьи к водостокам. Я видел мальчиков, игравших в «Челюскина» недалеко от памятника Тимирязева. «Челюскиным» они называли бумажную лодочку, которая дольше всех сопротивлялась водяному потоку ручья, ту лодочку, которая не погибала, а гордо продвигалась вперед. «Челюскин» становился символом непобедимости. Ребята верно чувствовали весь смысл похода «Челюскина», они разгадали его задачу. Они поняли, что «Челюскин» — это посланец советской страны к ледяной границе мира. Они уяснили, что, даже погрузившись на морское дно, пароход навсегда оставил в памяти человечества восторг и изумление перед отрядом рабочей страны, сражавшимся как один человек с полярной стихией пурржливой, туманной и холодной Арктики.

«Челюскин» шел в Полярное море в свой первый поход. Он был сооружен в Дании по нашим, советским, чертежам. Пароход предназначался для походов из Владивостока в Колыму и к острову Врангеля. На корме парохода было написано большими буквами «*Владивосток*». Этот пароход должен был принадлежать Владивостокскому порту. Туда он стремился пройти Северным морским путем по ледяной тропе Полярного моря, в одну навигацию, без зимовки. «Челюскин» не был ледоколом. Он не был даже ледокольным пароходом. Это было транспортное судно с противоледовой обшивкой, которая оказалась слабей могучих льдов холодного океана. «Челюскин» дошел до самого Берингова пролива в одну навигацию, и там его, скованного льдами, захваченного течениями и ветрами, относило в ледовом дрейфе на север. Попытки ледореза «Литке» оказать помощь своему морскому соратнику оказались тщетными. «Литке» сам протекал после чаунской зимовки, где провел целый год в ледяном плену. Спасательные помпы «Литке» едва успевали откачивать морскую воду, которая пробивалась в утробу ледореза сквозь пробоины, полученные в боях со льдами.

День оставления «Челюскина» одного в Полярном море, беспомощно дрейфующим по воле ветров и течений, был самым тяжелым в жизни моряков, шедших на «Литке». Ледорез повернул на юг, «Челюскин» в одиночестве уходил на север, влекомый неумолимым дрейфом.

Когда поднимались в океане штормы, льды приходили в движение. Они лезли друг на друга словно в драке, ломали свои закраины, и заборы торосов вырастали на гладких, еще недавно ледяных полях.

С беспримерной выдержкой и спокойствием сходили люди с погибавшего в ледовом сжатии корабля. На случай высадки на лед руководство экспедиции давно приготовило на верхней палубе спальные меховые мешки, палатки, горючее и продовольствие. Все это было выгружено на лед, как только огромной льдиной был разорван борт «Челюскина» и стало очевидным, что корабль заканчивает свою красивую морскую жизнь.

Даже самолет Бабушкина, шедший с экспедицией, не забыли выгрузить на лед челюскинцы.

История освоения неведомых земель Севера, покорения его ледяных просторов знает много случаев,

когда гибли пароходы смельчаков, пробиравшихся непроторенной тропой в Ледовитом море. Предоставленные самим себе, люди разбредались в разные стороны по льдам, разбивались на группы и часто погибали поодиночке. Попав в тяжелое положение, люди с животным страхом перед смертью старались ночью, когда никто не видит, украсть у товарищей продовольствие, чтобы обеспечить себе лишний день жизни.

Лагерь Шмидта представлял собой единое целое, монолит, гранитную глыбу, которую не могло разбить Полярное море, как оно ни стучало в него своими многометровыми льдами.

Замечательный начальник руководил замечательным коллективом.

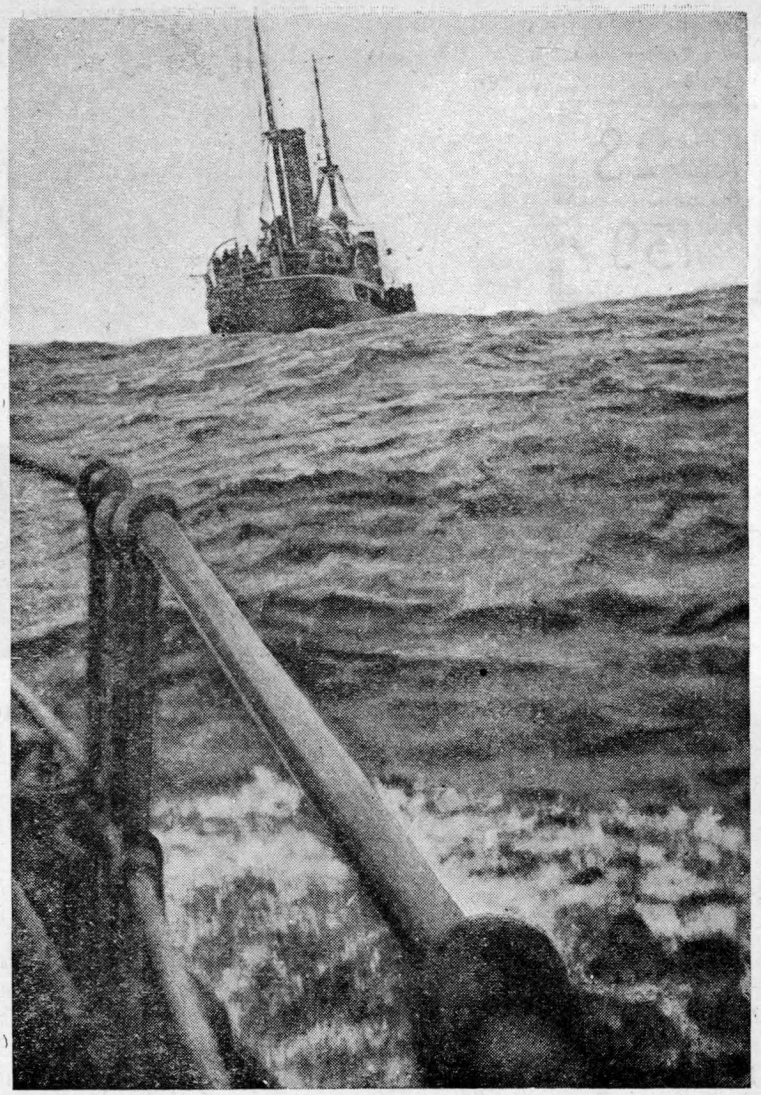
Ночью люди залезали поглубже в меховые спальные мешки. Просыпались по утрам от того, что коченело тело, ломило от холода спину и от дыхания внутри мешка нарастали сосульки льда. Каждое утро приходилось выворачивать мешки наизнанку и выбивать намерзший лед. Сильными шквалами часто срывало палатки с места, приходилось крепить их надежней ко льду. Бензиновые горелки, сделанные механиками «Челюскина», давали скудный свет и тепло в палатках. По ночам люди гасили бензиновые горелки, и в палатках становилось темно и холодно. Даже в мешке, укрывшись с головой, было слышно, как ночью торосились шумные льды в Полярном море, лопались и скрежетали, давя друг друга.

Челюскинцы ходили в свободные часы по вечерам друг к другу в гости. Днем палатки были пусты. Люди были заняты работой по приведению аэродромов в порядок: скалывали пешнями лед, равняли площадки, а первая передвижка льдов снова разрушала героическую работу людей. И с утра люди снова принимались равнять торосы.

Ежедневная борьба с природой Арктики, с торосами ледяных полей показывала непреклонную волю к победе испытанных моряков и закаляла характер молодых полярников, впервые пошедших в бои со стихией.

Запах дыма и человеческого жилья привлек внимание хозяина льдов — белого медведя. Медведица с медвежонком подошли близко к лагерю Шмидта. Звери были голодны. Море было закрыто сплошным льдом, нигде не было разводий, нигде не показывала нерпа своей круглой черной головы. Обложенное льдами море

Белый медведь, убитый челюскинцами.



КОРАБЛИ-ГЕРОИ: „Сибиряков" в 1933 году первый без зимовки прошел весь Великий путь и обошел вокруг Европы и Азии.

заставляло зверей голодать. Звери сорвали и с'ели несколько флажков, которыми была отмечена посадочная площадка для самолетов. Бортмеханик самолета Бабушкина, несший дежурство на аэродроме, первым заметил зверей. Меткими выстрелами он уложил их на месте. Это было радостным событием на льдине, где люди ели консервы уже второй месяц и не видели свежей пищи. Звериная кровь и мясо давали зарядку челюскинцам против болезни Севера — цынги.

И вот сквозь пургу и туманы пробился к лагерю Шмидта из Уэллена первый вестник с материка — летчик Ляпидевский. Это был ученик всемирно известного летчика Леваневского, оказавшего помощь в прошлом году американскому рекордсмену — пилоту Маттерну, совершавшему кругосветный перелет и разбившемуся в Анадырской тундре.

Ляпидевский унаследовал от своего учителя выдержку и смелость. Ляпидевский не раз пробовал прорываться сквозь преграду пурги и тумана.

И вот над лагерем Шмидта впервые закружил самолет. Летчикам видно было с борта самолета, как бежали челюскинцы из лагеря Шмидта к аэродрому встречать воздушных спасителей.

Нельзя было долго задерживаться на ледяном аэродроме. Ляпидевский торопил челюскинцев с посадкой на самолет. Машина приняла на борт двенадцать че-

ловек. Ляпидевский уменьшал количество томящихся на льдине людей. Он вывез самых слабых членов экипажа, о которых больше всего беспокоились остальные товарищи по экспедиции. С отлетом первой группы челюскинцев количество продовольствия на каждого оставшегося значительно увеличилось. Это придавало большую бодрость людям, которые научились в полярном походе самому главному — выдержке и терпению.

Исследователь Памира, первый открывший западные берега Северной земли, главный редактор Большой советской энциклопедии, профессор-математик, коммунист Отто Юльевич Шмидт, сам работал на всех авралах и подавал личный пример челюскинцам.

На самолете Ляпидевского улетала на материк крошечная девочка, никогда не видавшая земли. Эта девочка родилась в Карском море. Ей дали имя в честь этого моря — Карина.

Женщины и дети вовремя улетели со льдины. Ночью, после отлета Ляпидевского, в лагере снова появились трещины, лед словно ожил: стал двигаться, тороситься и полез в атаку на лагерь. Разломал деревянный барак, в котором жили женщины и после их отлета — половина челюскинцев. Льдом сломало кухню. Бревна растаскало на большое расстояние. И как муравьи у разрушенного муравейника закопошились челюскинцы, собирая бревна, украденные морем, и снова начиная стройку. Мороз доходил до 40°.

Коварная погода Севера задерживала продвижение самолетов на помощь челюскинцам. Летчики, рвавшиеся со всех концов Советского союза в лагерь Шмидта, были вынуждены сидеть по селениям Камчатки и Анадырского округа, пережидая погоду. Некоторые машины пропадали без вести, и читатель по утрам с волнением разыскивал в газетах сведения о пропавших самолетах.

Звено полярника Ушакова на двух машинах Леваневского и Слепнева достигло крайнего северного городка Аляски — Нома. И вот Ванкарем дает вдруг летную погоду. Леваневский с Ушаковым летят в Ванкарем. У Колючинской губы стеной встает туман, он к самой земле прижимает самолет. Но в Ванкареме ясная погода. Надо пробиться сквозь стену тумана, решает Леваневский. Но слепящей поволоке тумана нет предела. Под машиной стоят настороже высокие скалы — кекуры. Леваневский забирает высоту. Высотомер оказывает уже 2500 м, и нет конца слепящему туману. Машина вдруг перестает слушаться своего командира: она проваливается, она падает. Леваневский с трудом сдерживает ее падение. Он крепко держит машину в руках, выбирая оконца в пурге и тумане. Близится земля, в оконцах тумана уже виднеются черновины скал. Крылья самолета обледенели, приняли на себя страшный ледяной груз, который тянет машину к земле, к чукотским скалам, к гибели.

Машина разбита. Она беспомощно лежит на своем фюзеляже. Недалеко от нее валяется согнутое шасси, и раскиданы по снегу поломанные лыжи. Погнут пропеллер. Лицо Леваневского в крови. Ушаков и американец-бортмеханик выбегают из машины к мужественному пилоту.

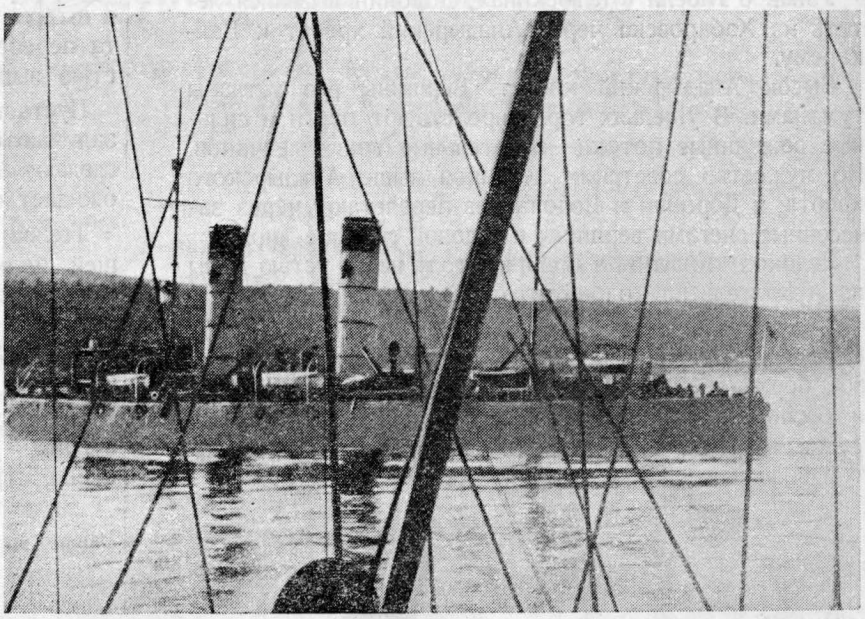
Железная воля и самообладание Леваневского, лучшего советского летчика, сохранили жизнь людей, доверившихся ему в пурге и тумане. Ушаков доставлен к самому центру спасательных работ—к Ванкарему.

Один за другим подлетают к Ванкарему крылатые герои Советского союза. Молоков, Каманин, Доронин, Слепнев, Водопьянов, вылетев из Анадыря к Ванкарему, садятся на мысе Северном и оттуда совершают перелет прямо к лагерю Шмидта.

Вот он стоит передо мной, летчик Доронин. Стелется белоснежной лентой якутский аэродром на реке Лене. «Юнкерс В-33» готов к старту. Воздушный ямщик Якутии перевозит людей из Якутска в Иркутск над тайгой высокобережной сибирской реки. Воздушные станции, соседние к Якутску, дают летную погоду. И вот машина Доронина в воздухе. Мерно стучит мотор, вертится винт, унося самолет от старого города Якутска, где в дымке тумана скрылась древняя башня казацкого острога.

Коварная погода изменяет Доронину вскоре за Якутском. Хлопья тумана вражеским станом летят навстречу самолету. Сурова якутская зима. Мороз 61°. Доронин одел на лицо маску, чтобы защитить себя от студеного воздуха. Жмутся люди от холода в пассажирской кабине. И вдруг словно что-то лопнуло в моторе, он перестал распевать свою однородную песню. Мотор дает перебои. Машина идет на снижение, она тянет над тайгой. Все ближе и ближе к людям простирают свои колючие верхушки якутские ели и лиственницы. Сейчас самолет сядет на лес, и будет «котлета» из людей и машины. Доронин пытается оттянуть машину от тайги к реке. Из окон пассажирской кабины видна снеговая дорожка замерзшей зимней Лены. До нее уже недалеко. Доронин дает полный газ, машина снова набирает высоту. Доронин садится, дотянув до Лены, до запасной посадочной площадки. Она вся заметена снегами, которые укатало ветрами и сделало твердыми как асфальт.

Летчик и бортмеханик склонились над мотором. Замерз маслопровод в воздухе. Бортмеханик разжигает примус и нагревает масло до точки кипения. Кипящее масло выливают в масляный бак самолета, и снова летят дальше.



КОРАБЛИ-ГЕРОИ: ледокол „Красин“ выходит из Мурманского порта в Карскую экспедицию 1933 года.

Полярник Ушаков.

Через каждый час полета замерзает масло в маслопроводе, и Доронин вынужденно сажает машину.

Так летают на якутском севере наши летчики.

Узнав о гибели «Челюскина», Доронин вызвался лететь из Хабаровска через Анадырский хребет к Ванкарему.

Высок Анадырский хребет. Вершины его устланы туманами. В ущельях гор свирепствуют пурги и сильные воздушные потоки—смертельные враги летчиков. Но мужество советских летчиков выше Анадырского хребта, и Доронин и Водопьянов перелетают через занесенные снегами вершины к ледовой границе мира.

Ледокол «Красин» в прошлом году вел к устью Лены из Архангельска колонну грузовых судов.

Близ архипелага Нордшельда, в тяжелых льдах, «Красин» потерял один винт и часть гребного вала левой бортовой машины. «Красин» потерял былую силу, и беспомощно возле него стояла во льдах колонна судов, не зная, куда двигаться, не видя пути к открытой воде.

И вдруг до кораблей донесся мерный гул мотора. К эскадре судов приближался самолет «СССР Н-2». Он летел сюда с острова Диксон. Он приветственно покружил над кораблями и сообщил по радио флагману-ледоколу, что всего в шести лишь милях, если отступить на юго-запад, будет чистая вода и по ней ледокол пройдет со всей колонной к мысу Челюскин. Оттуда дорога в Якутию открыта. Самолет выручил корабли.

За штурвалами самолета-спасителя сидели летчики Молоков и Алексеев. Тот самый скромный и молчаливый Молоков, который впоследствии перевез половину челюскинцев со льдины на своем маломестном самолете. Молоков совершил наибольшее количество полетов из Ванкарема к лагерю Шмидта. И когда заболел мужественный начальник экспедиции Шмидт, на самолете Слепнева Молоков перевез больного в Аляску, доставил его в больницу города Нома.

В несколько дней летчики доставляют со льдины на материк всех героев-челюскинцев. Герои спасают героев.

Из Москвы товарищ Сталин шлет поздравления летчикам, достойным сынам нашей великой родины, и представляет их к высоким наградам и званию Героев Советского союза.

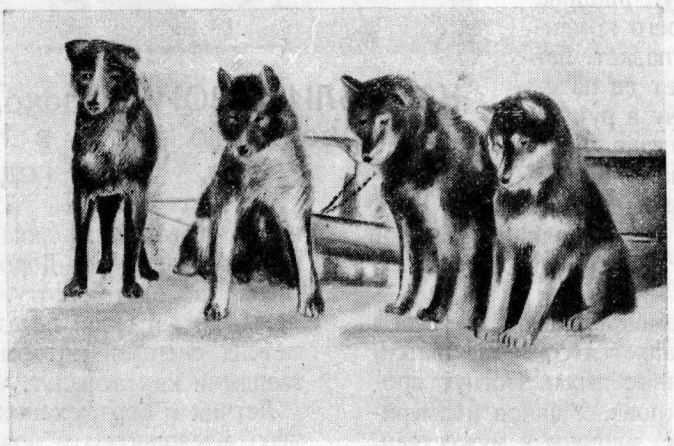
В честь героев-челюскинцев будет построен памятник в красной столице—Москве.

Поход «Челюскина» показал всему миру, на что способны советский летчик, моряк, ученый. Спасение челюскинцев показало всему миру, что для СССР не существует непреодолимых расстояний. Сквозь пургу, в шторм, непогоду наши летчики с одного конца света перебрасываются на другой, с твердой настойчивостью выполняя указания своего правительства.

Пусть те, кто потрясает мечами на наших границах, задумаются, прежде чем перешагнуть ее, пусть они сделают выводы из похода «Челюскина». Иначе гибель ожидает их самих.

Тысячи героев Советского союза раскиданы по нашей неохватной стране. Далеко не всех мы знаем Не обо всех еще пишут наши газеты. Но они повсюду: на наших фабриках и заводах, в колхозах, на машинно-тракторных станциях, на рыбалках, на море и в воздухе.

Пусть помнит враг, что шестую часть мира занимает страна, родившая героев «Сибирякова», Беломорстроя, стратосферы, Кара-Кума, «Челюскина».



Ездовые собаки Уэлленского райисполкома.

Куница и соболь.

Горностаи.

Великий путь

Белые медведи.

А. К. Покровская

Рисунки по старинным гравюрам

За семьсот лет до нас

рассказы старинных географов и путешественников о том, как они представляли себе север

«На Севере, знайте, за высокими горами, лежит темная страна.

Там нет ни солнца, ни луны, ни звезд».

Там видали красное как огонь облако. Из него исходил шум и голоса, и на нем видали коней и людей с луками, копьями и мечами.

„Там живут люди-чудовища".

Там родится золото. И сторожат его птицы с железными носами — грифы. Те грифы появляются из тумана морского.

Там, в глубине земли, находят змеиные зубы, тяжелые и твердые, вроде слоновых клыков.

Там живут люди чудовищного вида. Некоторые имеют только один глаз, у других на плечах собачьи головы, третьим вместо головы служит грудь. А разговор их подобен птичьему свисту и змеиному шипенью.

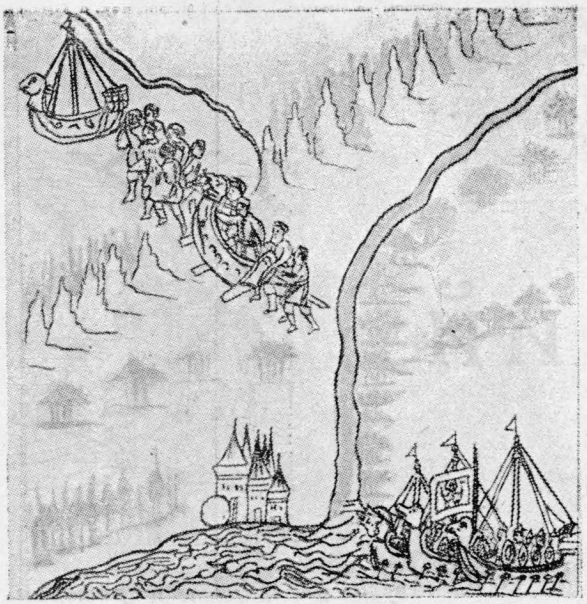
И еще там живут люди, которые каждый год, в ноябре, умирают подобно лягушкам и пиявкам, а на следующую весну, в апреле, снова оживают. Они живут как звери и укрываются звериными шкурами.

«Те страны богаты соболями, и горностаями, и черными кунами, и песцами, и белыми волками».

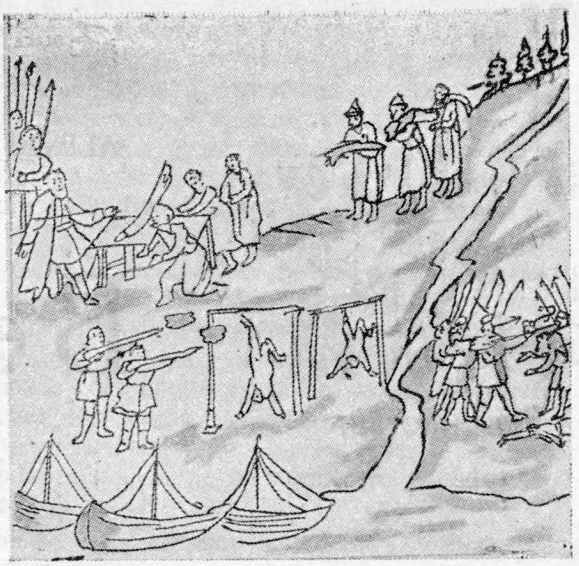
Там стоит идол — «золотая старуха». Этому истукану люди отдают самые драгоценные меха. В жертву ему закалывают самых лучших оленей и горячей кровью мажут ему рот и глаза.

Если к тем людям приезжают купцы, они убивают одного из своих детей, чтобы угостить им купцов. И если купец умрет у них, они сʼедают его. У этих людей множество дорогих мехов. Купцам от них большая выгода и прибыль.

„И еще живут там люди в звериных шкурах".



Плыли казаки по сибирским рекам, а где перетаскивали суда из реки в реку волоком.



Вот как казацкий отряд собирает дань московскому царю.

За четыреста лет до нас

как казаки покоряли Сибирь и собирали ясак московскому царю

Казацкий атаман Ермак Тимофеевич разбойничал на Волге, грабил царские и купеческие суда. Чтобы избежать казни, увел он свою шайку за Урал, покорять московскому царю сибирские народы.

Плыли казаки по сибирским рекам на стругах и кочах, а где перетаскивали суда из реки в реку — посуху, волочили волоком.

У казаков были ружья, а у сибирских народов только луки да копья.

Казаки стали избивать и грабить сибирские народы.

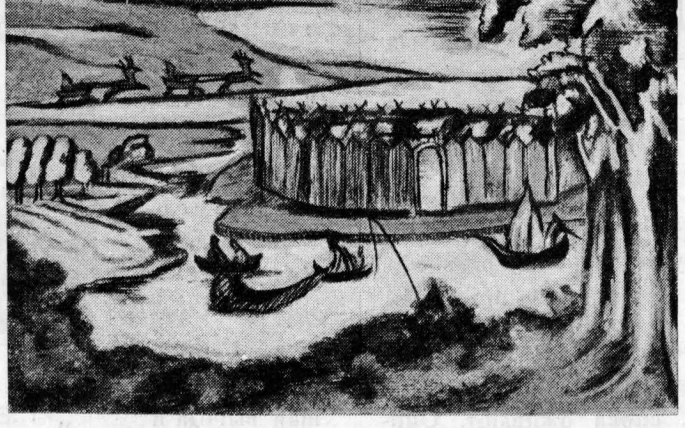
Вот как казацкий отряд собирает «ясак», т. е. дань, московскому царю:

кого повесили за ногу, кого расстреливают. На стол положили окровавленную саблю и велят побежденным целовать ее в знак покорности. Отбирают у побежденных всю их добычу: «рухлядь», т. е. меха, «рыбий зуб», т. е. моржовую кость.

Казаки забирались в Сибирь дальше и дальше, на восток. Вышли на реку Лену, а оттуда — в Ледовитый океан. Добрались до устья реки Колымы.

По пути они строили деревянные крепостцы-остроги. Из тех казацких острогов образовались впоследствии сибирские города.

Казак Семейко Дежнев со своим отрядом на трех кочах обогнул Чукотский полуостров и проплыл между Азией и Америкой, до реки Анадыря. Он первым открыл тот пролив, который называется теперь Беринговым. В честь Дежнева назван самый восточный на Чукотке мыс — мысом Дежнева.



По пути казаки строили деревя-ные крепостцы-остроги.

Можно ли проплыть Северным путем в Китай и Индию

В Европе тогда о казацких плаваниях никто не знал.

В Европе плохо знали про Московское царство. А дорогие меха сильно интересовали английских и голландских купцов.

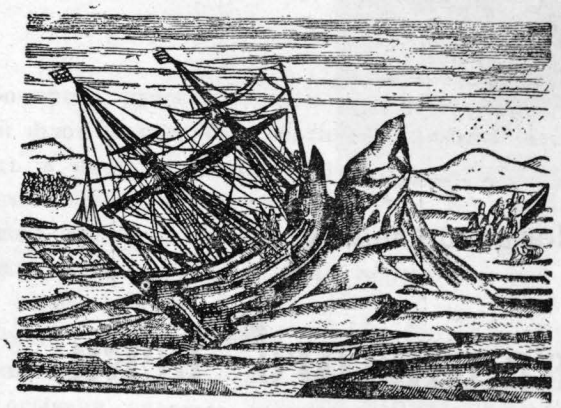
Из Московии вывозили дорогие меха; из Индии и Китая — шелка и жемчуга, рубины и алмазы, фарфор и слоновую кость.

Нельзя ли проплыть Северным морем не только в Московию, но и в Китай, а из Китая в Индию? Вот над чем думали английские и голландские географы и капитаны.

Английский корабль „Добрая надежда".

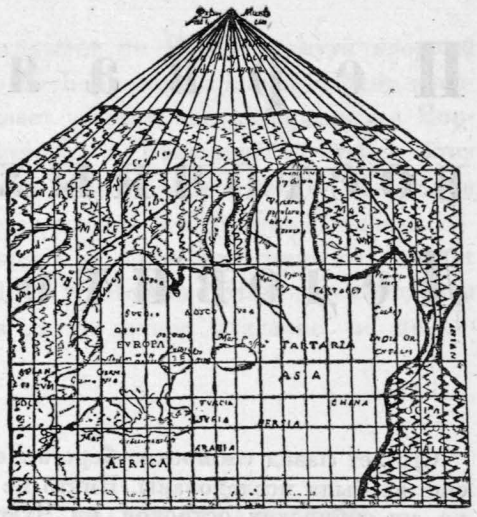
Английские купцы составили «Общество искателей стран, земель, островов государств и владений неизвестных доселе непосещаемых морским путем». Общество послало три корабля на восток по Северному океану открывать путь в Китай.

Вот один из этих кораблей. Его называли «Добрая надежда». И он и другой корабль «Добрая доверенность»—оба погибли. Они доплыли только до Новой земли: льды и туманы их испугали. Они поплыли назад и на обратном пути, у берегов Кольского полуострова, оба были затерты льдами. Зимой вся команда погибла от холода и голода.



Корабль Баренца, затертый льдами.

Начальником этой первой экспедиции был Гуго Виллоуби. Он тоже погиб. До самой смерти он писал свой судовой журнал. Так и нашли тетрадь журнала в его мертвых руках.



Карта предполагаемого северовосточного прохода в Китай, составленная в 1611 г.

Вот голландский корабль, затертый льдами в Ледовой гавани на Новой земле.

Он также плыл отыскивать северный проход в Китай.

Его команда пережила тяжелую зимовку и совершила замечательный подвиг: на двух шлюпках доплыла с Новой земли до Мурманского берега. Знаменитый его капитан—Вильям Баренц—умер на обратном пути от цынги.

Гуго Виллоуби.

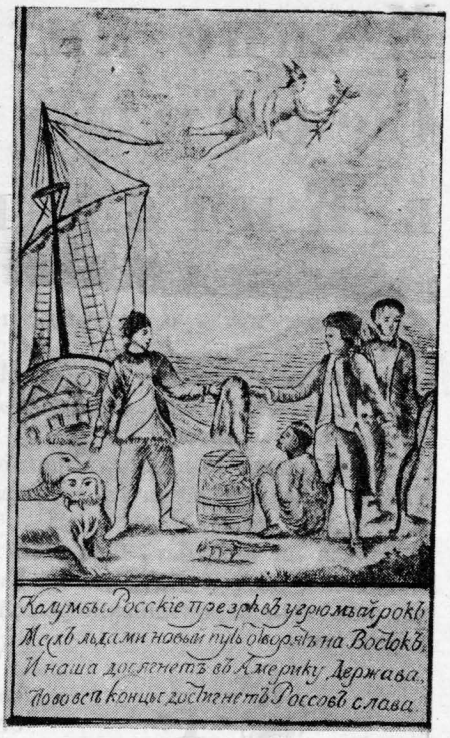
Вильям Баренц три раза пытался проплыть Северный путь. Три раза льды не пропускали его. Он первым составил карту Новой земли.

Много английских и голландских кораблей погибло в поисках северного прохода. Много отважных моряков там, во льдах, отдало свою жизнь. И ни один корабль не смог доплыть до устья Оби.

Тогда не умели снаряжать полярные экспедиции: карты у них были сказочные, корабли—неприспособленные к плаванию во льдах.

Капитан Вильям Баренц.

Первая карта восточных берегов Ледовитого океана



Отряд северной экспедиции на Камчатке.

Сто лет назад сибирские берега Ледовитого океана еще не были исследованы. Никто не знал ни Таймыра, ни сибирских островов, ни Чукотки, ни Камчатки, ни Аляски. Сто лет исполнится в этом году с тех пор, как первая русская экспедиция начала свою работу — описание берегов от Архангельска до конца Азии. Отряды этой Великой экспедиции работали десять лет. К берегам Таймыра и Чукотки, к устьям великих сибирских рек они добирались и по суше, и по воде, и на оленях, и на собаках, и на казацких, старого образца, самодельных судах — «кочах».

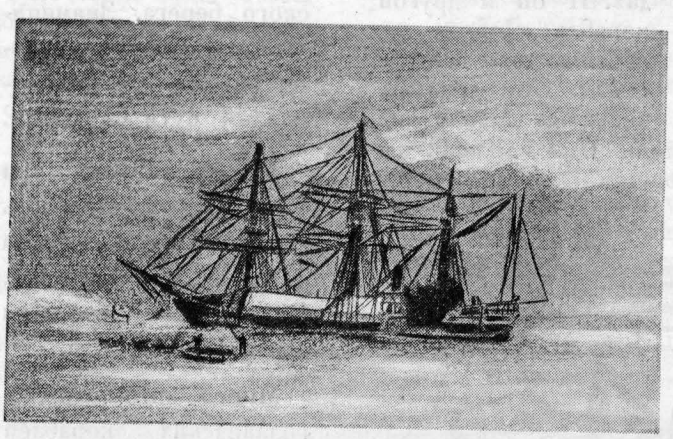
Снаряжение было плохое, техника самая отсталая, продовольствие недоброкачественное.

В 1735 г., при описании берегов от устья Лены до мыса Дежнева, погибли от цынги лейтенант Ласинус и 52 матроса.

В 1736 г., при описании Таймырского полуострова, погиб от цынги капитан Прончищев.

В 1741 г. погиб начальник Великой экспедиции — ученый Беринг — во время исследования побережья Охотского моря. Тот самый Беринг, который первым после Семейки Дежнева, плававшего за 100 лет до него, открыл Берингов пролив.

Свой подвиг люди Великой экспедиции довели до конца: они описали и засняли на карту все восточное побережье Ледовитого океана — почти половину окружности земного шара. По этой карте еще в 1930 г. плавал на «Седове» капитан Воронин.



„Вега“—парусный пароход Норденшельда.

Новая техника девятнадцатого века. Пароход

Огромная страна: все государства Западной Европы уложатся на одной ее половине. Могучие судоходные реки.

Сказочные богатства: лучший в мире лес, золото, ископаемая мамонтовая кость, драгоценная пушнина, рыбные и зверобойные, речные и морские угодья — все пропадает: нет дорог, доступа нет!

Напрасно сибирские купцы просят помощи у русского царя: царское правительство не в силах освоить Сибирь. Оно строит там только каторжные тюрьмы,

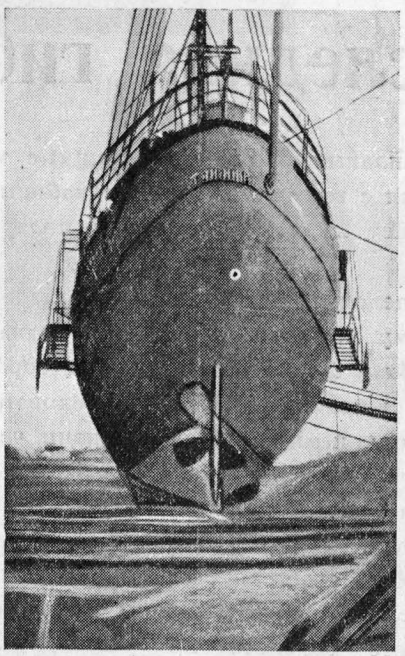
оно посылает туда конным этапом только преступников.

Тогда Александр Сибиряков, умный и энергичный сибирский купец, обращается к шведскому ученому—мореплавателю Норденшельду.

Норденшельда давно интересует Великий морской путь. Шведским и норвежским капиталистам очень важно наладить водный транспорт в Сибирский край. Сибиряков дает деньги на экспедицию Норденшельда, снаряжает на свой счет вспомогательный пароход «Вегу».

Норденшельд плывет по Великому пути *впервые на пароходе*. Но до Берингова пролива в одну навигацию не доплывает. «Вега», парусный пароход Норденшельда, зазимовал в Колючинской губе, близ места, где недавно затонул «Челюскин». Только на другое лето «Вега» входит в Берингов пролив и обходит вокруг Европы и Азии. Это случилось 56 лет назад, в 1878—1879 гг. Норденшельд первым одолел Великий путь в двухгодичное плавание, но не освоил его.

В северные моря вышли ледоколы



Ледокол „Таймыр".

Во время русско-японской войны, в 1904 г., русский флот должен был обогнуть Африку, чтобы попасть в японские воды. Обессиленные трудным и долгим плаванием, русские корабли все погибли в первом же сражении. Тогда, наконец, царское правительство спохватилось. Оно вспомнило про Великий морской путь.

Решено было отправить исследовательскую экспедицию из Владивостока в Архангельск.

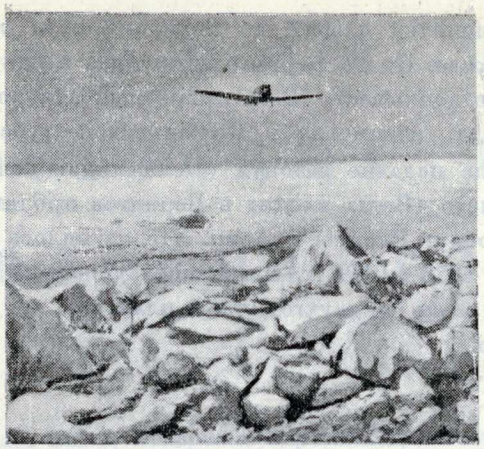
Посылали впервые ледоколы. В Петербурге, на Невском заводе, сделали два ледокола: «Таймыр» и «Вайгач», приспособили их для зимовки во льдах. Ледоколы отплыли во Владивосток и с 1910 г. начали свой ледовой поход. Эти славные ледоколы в продолжение пяти лет одолевали Великий путь. Льды мяли их стальные корпуса, ломали шпангоуты, обламывали лопасти винтов. Они возвращались во Владивосток, чинились и снова шли на бой со льдами.

В 1913 г. они открыли Северную землю, в 1914 г. они зазимовали у берегов сурового Таймыра и, наконец, только в 1915 г. пробились-таки в Архангельск.

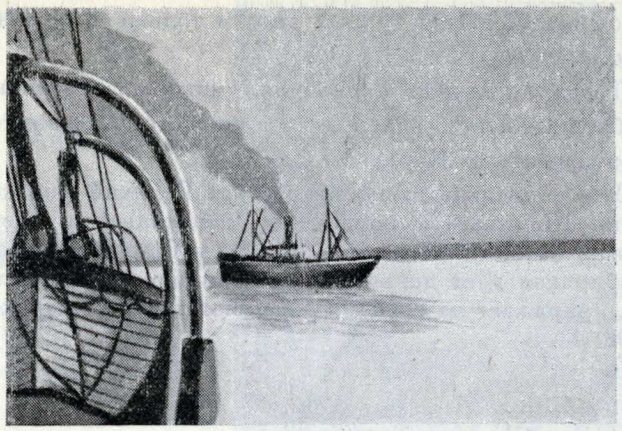
Впервые на них было установлено радио, и они могли держать связь друг с другом. Только что основанная в 1914 г. радиостанция на острове Диксон помогала им поддерживать сношения с миром во время зимовки.

Великий путь был побежден вторично. «Ледяные торосы победимы! Это вопрос силы и средств, вопрос техники и организации, а не вопрос возможности»,— сказали полярники после похода «Таймыра» и «Вайгача».

Радиостанция на острове Диксон.



Аэроплан кружится как чайка над ледяными торосами.



Ледокол „Сибиряков“ возвращается из арктического похода.

Гибель Челюскина — последняя гибель

Силы и средства, техника и организация и несокрушимая энергия советских людей — все вступило в борьбу за Великий путь.

14 лет назад был гибелен даже западный участок его — Карское море.

Расшатанные, старые пароходы первой советской Карской экспедиции плыли без точных карт, без лоции, без воздушной разведки. Плыли на подвиг.

Теперь во льдах Карского моря торговые караваны чувствуют себя безопасно. 10 лет назад каждый взлет аэроплана над Арктикой был геройством.

Теперь аэропланы выслеживают залежки тюленей на льдах. Кружатся как чайки над карским караваном, указывая ему путь во льдах.

Исправляют аэрос'емкой морские карты. Воздушные суда соревнуются с судами морскими. Аэроплан перелетает ледяной барьер острова Врангеля и Северной земли, когда бессилен ледокол.

Недавно посадка на лед и взлет со льда, полеты зимой в туман и мороз казались невероятными.

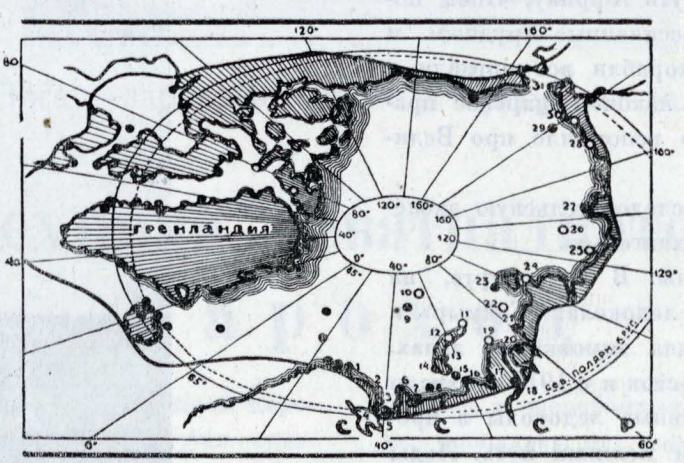
Но аэропланы приобретают мощные моторы, запасные баки с горючим, утепляют кабины. Практика вырабатывает из наших летчиков полярных альбатросов.

Работа ледоколов и аэропланов стала возможна лишь потому, что на самых опасных этапах Великого пути возникли форпосты радио и метеорологические станции. Советские радисты и исследователи забираются в места, немыслимые для жизни человека: на оконечности Новой земли и Таймыра, в бухту Тихую и на земли Рудольфа, на Северную землю и на остров Врангеля.

Даже гибель своего парохода челюскинцы использовали прежде всего в целях изучения ледяного режима самого опасного из участков Ледовитого океана.

«Гибель «Челюскина» — это последняя гибель советского парохода на Великом пути», — сказал Воронин, покидая лагерь Шмидта.

Вероятно, он прав.



Сеть радио и метеорологических станций в Арктике.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Леваневский.

Молоков.

Доронин.

Слепнев.

Водопьянов.

Каманин.

Ляпидевский.

СПАСЕНИЕ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

Посмотрите на следующую страницу. Там нарисована странная карта, будто похожая на настоящую, но, если сравнить, сразу видно, что она не настоящая.

Это не карта, а совсем новая настольная игра. Называется она **«Спасение челюскинцев»**.

Играть в нее могут семь человек, но играющих может быть и меньше.

Играют так.

Сначала вырезают из последней страницы обложки этого номера «Пионера» кружочки, на которых нарисованы самолеты. Кружочки наклеиваются на картон. Все самолеты перевертываются, кладутся на стол и смешиваются как домино. Каждый из играющих вытаскивает один кружочек. На самолетах написаны буквы, обозначающие фамилии летчиков—**героев Советского союза:** тт. **Ляпидевского** (ЛП), **Каманина** (КМ), **Молокова** (МЛ), **Водопьянова** (ВП), **Доронина** (ДР), **Слепнева** (СЛ) и **Леваневского** (ЛВ).

На время игры все играющие считаются летчиками. Каждый будет тем, чей самолет вытянет.

Потом берут две игральных косточки, которые непременно должны отличаться друг от друга цветом или величиной. Если готовых косточек нет, их можно сделать из дерева или даже из чернильной резинки.

Посредине стола раскладывают карту, садятся вокруг нее и начинают играть.

На карту, в то место, где нарисован лагерь Шмидта, кладут кружочки из бумаги, обозначающие группы «челюскинцев», по три группы на каждого играющего.

А на те места, где нарисованы кружки с самолетами, каждый ставит свой самолет.

Теперь все готово, можно начинать игру.

(Правила игры смотри на стр. 14)

СПАСЕНИЕ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

ВСЕ К ЛАГЕРЮ ШМИДТА

Попутный ветер. Самолет летит на один кружок больше, чем показывает ходовая косточка.

Ясная погода. Летит так, как показывает косточка.

Встречный ветер. Летит на один кружок меньше, чем показывает косто-

Туман и пурга. В такую погоду можно заблудиться. Самолет летит вперед, потом назад.

Буря. Лететь нельзя. Пережидает ход.

База. Здесь можно получить бензин, т. е. бросать ходовую косточку еще

Испорченный аэродром. Самолет терпит аварию, пережидает один ход.

Препятствие. Самолет разбивается, летчик возвращается в начальный пункт.

Если один самолет догоняет другой, догнавший забирает бензин—т. е. хо-

ПРАВИЛА ИГРЫ „СПАСЕНИЕ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ“

(*Начало смотри на стр. 11*)

Начинает Ляпидевский. Он должен из Уэллена лететь на помощь «челюскинцам», но никто не знает, как далеко он улетит. Узнать это можно только тогда, когда он бросит косточки. Он должен лететь по своему маршруту, изображенному на карте черной линией с кружками. Если на косточке выпадет одно очко,— он передвинет свой самолет на один кружочек. Если косточка покажет два очка,— полетит на два кружочка и т. д.

Но летать на севере очень трудно. Прежде чем лететь, надо узнать погоду. Для этого сделана вторая косточка. Если на ней выпадет одно очко,— это значит погода ясная, а ветер попутный. В этом случае самолет летит на один кружок дальше, чем показала первая косточка.

Если выпадет, два — это означает ясную погоду и безветрие. Самолет летит на столько кружков, сколько показала первая путевая косточка.

Три очка означают ясную погоду и встречный ветер. Самолет летит на один кружок меньше, чем показала косточка.

Четыре и пять—означают туман и пургу. В такую погоду можно заблудиться, поэтому самолет летит вперед на столько, сколько показала косточка, а потом бросает путевую косточку еще раз и летит обратно на столько, сколько очков выпадает.

Шесть означают бурю. В бурю лететь нельзя, поэтому нужно переждать один ход.

С самого начала игры договариваются, какая косточка будет путевая и какая будет обозначать погоду.

Конечно, на самом деле погоду узнают совсем не так. О погоде запрашивают по радио. Поэтому в нашей игре мы ввели такое правило: если самолет попадет на кружочек, рядом с которым нарисована радиостанция,— летчик может два раза бросить косточку погоды и из двух выбрать погоду, которая ему удобнее.

Кроме радиостанций, на маршрутах поставлены другие значки.

Этот значок обозначает базу. Если рядом с ней стоит значок, изображающий бочку,— это значит, что можно получить добавочный бензин, т. е. бросить путевую косточку еще раз, и таким образом, улететь дальше.

Эти значки обозначают испорченный аэродром. Если самолет попадает на него, он потерпит аварию и должен переждать один ход.

Это обозначает ущелья, моря, лес и др. препятствия. Если самолет попадет сюда, он разобьется совсем, и летчик должен вернуться в начальную точку, т. е. начать игру снова.

Значит, летят так. Бросают косточку. Если погода хорошая,— летят, если нет,— запрашивают погоду еще раз, так как в начале маршрута стоит радиостанция. Потом передвигают свой самолет.

У каждого маршрута есть разветвления, по которым лететь ближе, но перелететь их можно только в том случае, если на ходовой косточке выпадет достаточное число очков.

Когда Ляпидевский бросит косточки и передвинет свой самолет по всем правилам, за ним летит Каманин из Олюторки, потом Молоков тоже из Олюторки. Потом Водопьянов, а за ним Доронин — эти летят из Хабаровска. Последними летят Слепнев и Леваневский из Фербенкса.

Если в дороге один самолет догонит другой, — догнавший делает ход вместо него, а тот, кого догнали, пережидает ход.

Все самолеты стремятся попасть в лагерь Шмидта. Оттуда надо вывезти «челюскинцев», но от Ванкарема до лагеря можно пролететь только тогда, когда ходовая косточка покажет не меньше четырех очков. Когда самолет перелетит в лагерь, он забирает группу «челюскинцев» и в очередной ход вывозит их на берег. На эти последние перелеты погода влияет так же, как и на перелеты по всему маршруту. Игра кончается, когда все «челюскинцы» будут вывезены. Выигрывает тот, кто вывез больше всех.

Звеновой „нормалис“

рецепты доктора Звенового

Поговорим сегодня о звеновом, не обо мне—докторе Звеновом, а о самом обыкновенном вожатом звена.

Вот у меня в кабинете сидят трое моих пациентов. Послушаем, как они расскажут нам о своем последнем сборе.

первый звеновой

«Ну, значит, забрались мы в пустой класс, ребята расселись за парты, а я сел на место учителя. Открыл я собрание звена, выбрали секретаря для ведения протокола и приступили к повестке дня.

Сначала я провел беседу о Парижской коммуне. Потом почитали несколько заметок из «Пионерской правды». Тут ребята стали немного зевать, и я решил оживить собрание.

— «Ну, ребята,—говорю, — давайте решать текущие дела, а успеваемость мы потом обсудим».

Текущие дела у нас всегда живо проходят: то выговор вынесем, то постановим снять галстук за «неуд», то на совет отряда передадим. Все это вызывает большие споры и прения.

Ну, ребята оживились немного. Тут я поставил вопрос об успеваемости и стопроцентном ударничестве. Поговорили мы еще с полчаса, выработали решение. Вот и весь сбор».

Взял я свой стетоскоп, приложил его к голове этого звенового и такой шум услышал, как будто ветер в поле гуляет. И сразу я понял, чем болен звеновой:

— «Лечиться надо вам, молодой человек. У вас опасная болезнь—«болтология».

второй звеновой

«Ну, у меня этой болезни нет. Поменьше бесед — побольше дела—вот мой лозунг. На прошлом сборе мы полчаса занимались маршировкой. У меня ребята строй знают лучше чем осоавиахимовцы. А уж дисциплина—нигде такой не найдешь! Вот на прошлом сборе ребята не захотели было петь «Красную кавалерию» — «надоело, — говорят, — в сотый раз одно и то же повторять»,—и представьте, стоило мне только крикнуть:

— «Это что за разговоры?» — моментально запели.

Потом мы еще поговорили о качестве учебы. Каждый пионер мне рапорт отдал: какие отметки он получил за последнюю десятидневку. После каждого рапорта я давал задания—ну, там: добиться «хорошо», изжить «неуд» и т. п.

В общем, как видите, звено у меня крепко поставлено...».

— «А это мы сейчас посмотрим,— сказал я и приложил к его голове стетоскоп. Тут такое рычание раздалось, что я даже оглох на то ухо, которое к стетоскопу приложил».

— «Эх,—говорю я,—и ты тоже болен. А болезнь у тебя называется «крикуния».

Ну, перейдем к следующему...

третий звеновой

«Сбор назначил я в 6 часов 17 минут. У нас идет соревнование: кто точнее придет на сбор. Я пришел за 10 минут до срока, стал у часов и отмечал, кто, когда из ребят приходил.

Ровно в 6 час. 17 минут я скомандовал:

— «Становись!»

Не успел окончить команду, как уже в трех шагах против меня стало все звено по росту.

— «К борьбе за рабочее дело будь готов!»

— «Всегда готов!»

Новичок, недавно принятый в звено, отдал салют.

— «Петров! Запомни: в строю салюта не отдают!»

Я оглядел звено и увидел, что «Солнышка» (так мы звали Маню Цветкову) нет.

— «Ребята, кто знает, почему «Солнышко» сегодня не пришла?»

—«Она сегодня и в школе не была»,—сказала Лида.

— «Ну, тогда после сбора сходи к ней домой, ты ведь недалеко от нее живешь, и узнай, что с ней. Может, она заболела и ей помочь нужно. А завтра на уроках мне скажи, в чем дело. (Я всегда стараюсь узнать сам или через ребят причину отсутствия своих пионеров на сборе или на уроке).

— «Руки вперед! Улыбнитесь!»— и мой помощник быстро прошел мимо пионеров, осматривая чистоту ушей и шей, блеск зубов, убеждаясь в отсутствии траура под ногтями по корейскому императору.

— «У Боба руки грязные,—об'явил он. И Бобу несмотря на оправдания, что это от писания стихов, пришлось сейчас же прогуляться в уборную, чтобы вымыть руки.

Я об'явил план сбора, и мы начали с игры, так как ребята на сбор пришли после уроков немного усталые. Игра называлась «Сбей фашиста».

Ребята взялись за руки, а в середине круга я поставил полено—фашиста. Каждый из ребят тянул его в свою сторону и старался заставить других сбить ногами фашиста. Тот, кто сбивал его, выходил из игры. Наконец, осталось двое победителей.

Потом мы сыграли в тихую игру «Слепой часовой».

Одному пионеру я завязал глаза и поставил его посредине комнаты. Около него я положил галстук. Остальные ребята стали вокруг него, около стен. По моему указанию, один из пионеров на цыпочках начал обходить вокруг «слепого часового». Сделав вокруг него один круг, пионер подходил к галстуку, забирал его и шел так же тихо на свое место.

«Слепой часовой» прислушивался к шагам. И как только ему казалось, что он слышит их, он показывал в этом направлении рукой, говорил:—«Стой»,—и бросался ловить «вора». Если он правильно показал на «вора», то «вор» останавливался и ждал, пока до него дотронется часовой. С места он сходить не мог, но мог, лечь или присесть. Если же

часовой показывал неправильно, то «вор» забирал галстук и уходил на свое место. Пойманный «вор» становился на место часового. Эта игра очень смешная и очень хорошо развивает слух.

После игр ребята сели в круг, я стал в середине, и двое из пионеров поочереди прочли небольшой монтаж из книг о «Парижской коммуне», который я поручил им составить. После него я предложил ребятам вступить всем в МОПР. Мы тут же поручили Коле после сбора собрать взносы и получить завтра в райкоме билеты. Пете и Коле же мы поручили к следующему сбору написать письмо пионерам Австрии.

Сима у нас специалист по вырезыванию по дереву. Еще на прошлом сборе мы договорились, что он начнет обучать все звено этому искусству. Все ребята принесли с собой по куску доски и ножу. Сима начал показывать, что можно сделать из простой деревяшки.

Сбор мы закончили гимнастикой. Разучили одну пирамиду, которую Лене показал ее брат-физкультурник. Потом наметили план следующего сбора: кто, что должен сделать. Сима прочел нам, как он описал предыдущий сбор в дневнике (ребята поочереди ведут дневник сборов). Лида получила «неуд» по математике, и мы решили, чтобы Оля (она у нас лучший математик) позанималась с нею и об'яснила непонятное.

— «Становись! К борьбе за рабочее дело будь готов!»

— «Всегда готов!»

— «Разойтись по домам!»

Тут я встал, пожал ему руку и торжественно об'явил:

— «По-ученому ты называешься звеновой «нормалис»—нормальный звеновой, такой как нужно».

ГЕРОИ ВЕНСКИХ БАРРИКАД

Во время боев в Вене один из шуцбундовцев, рабочий - пулеметчик, засел в укрепленной позиции и был засыпан ручными гранатами. Одна из гранат упала в двух метрах от пулемета и продолжала куриться. Если бы она взорвалась, пулемет вышел бы из строя. Тогда пулеметчик схватил гранату, чтобы отбросить ее в сторону. Она взорвалась в его руках и смелый рабочий-пулеметчик был разорван на куски. Место убитого занял сейчас же другой товарищ.

Так дрались австрийские рабочие. Группа шуцбундовцев приехала в СССР после поражения венского восстания.

Эти смелые люди, которых вы видите на фотографии, три месяца назад защищали рабочие кварталы Вены от наступления фашистов. Они потерпели поражение потому, что их предали социал-демократические „вожди“.

Шуцбундовцы приветствуют боевым кличем „рот фронт“ колонны пролетариев Москвы в день Первого мая. Они видят победивший пролетариат. Теперь они твердо знают, под каким знаменем идти в бой, чтобы победить. Они больше не дадут себя обмануть никому.

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

Часть вторая

Повесть А. Гайдара *Рис. Ф. Полищук*

Очень звонко трепетали в небе первые жаворонки. Очень ярко сияло весеннее солнце.

И очень смело ринулся отряд ребят туда, где синела Чарабаевская роща, на тенистых прудах которой тихо плавали еще не растопленные солнцем, тяжелые голубые льдины.

Выбравшись к берегу, разделились на четыре флотских экипажа.

— Командовать буду я,—предупредил длинноносый Санька, подтягивая шестом громоздкую и неуклюжую льдину.— У вас—как хотите, а у меня—ледокол «Красин». А ну, матросы, запрыгивай на ледокол.

Матросы запрыгнули, но Фигуран обиделся:

— Почему ты? Разве ты выдумал? Плевал я на твою команду!

— Я буду командовать,—строго повторил здоровенный Санька.—Уж не ты ли? Подумаешь, какой командир выискался.

Санька согнулся и, закинув голову, опустил руки, передразнивая горбатого Фигурана. Ребята засмеялись.

— Ладно, командуй,—пробормотал Фигуран и, кликнув Кирюшку со Степашкой, повел их вдоль берега.

Вслед за первой отчалила вторая льдина, потом третья, которая прихватила короткое бревно вместо мины. И давно уже вся эскадра ушла на средину пруда, а Фигуран со своим экипажем все еще возился у берега. Они выбрали совсем небольшую льдинку с высоким острым носом и раздобыли рваный рогожный парус.

— Мала очень, — замялся было осторожный Степашка. — У них вон какие махины... а у нас что?

— Стой да помалкивай, — огрызнулся Фигуран. — У них колоды, а у нас крейсер.

— Стой да помалкивай, — поддакнул догадавшийся Кирюшка и кинулся за Фигураном подбирать комья, чурки и палки.

— Громить будем?—тихо спросил Кирюшка. — Так им и надо. Не они придумали.

Быстро и дружелюбно глянул Фигуран на взволнованного Кирюшку и молча кивнул головой.

Притащили на берег целую груду всякой всячины. Оттолкнулись от берега, растянули по ветру рогожный парус, и легкий голубой крейсер быстро помчался догонять не подозревавшую измены эскадру.

— Что так долго?—повелительно окликнул Санька.—Не лезьте вперед, идите в хвосте, самыми последними.

Фигуран молча выпрямился, ловко метнул чурку и угодил Саньке прямо в живот. Санька взыл, заскакал, но снарядов ни у него, ни у других кораблей не было.

Дважды с трех сторон окружала эскадра восставший крейсер. Но, подгоняемый ветром, легкий, увертливый, он прорывался через кольцо, не переставая беспощадно громить неприятеля.

На третий раз крейсер едва не погиб. Только что бледный, запыхавшийся артиллерист Кирюшка метко бабахнул по капитанскому мостику, как вдруг шест из рук Степашки выскользнул. И крейсер, неловко закружившись, застопорил на месте.

— Мина!—отчаянно заорал Кирюшка.—Берегись, мина!

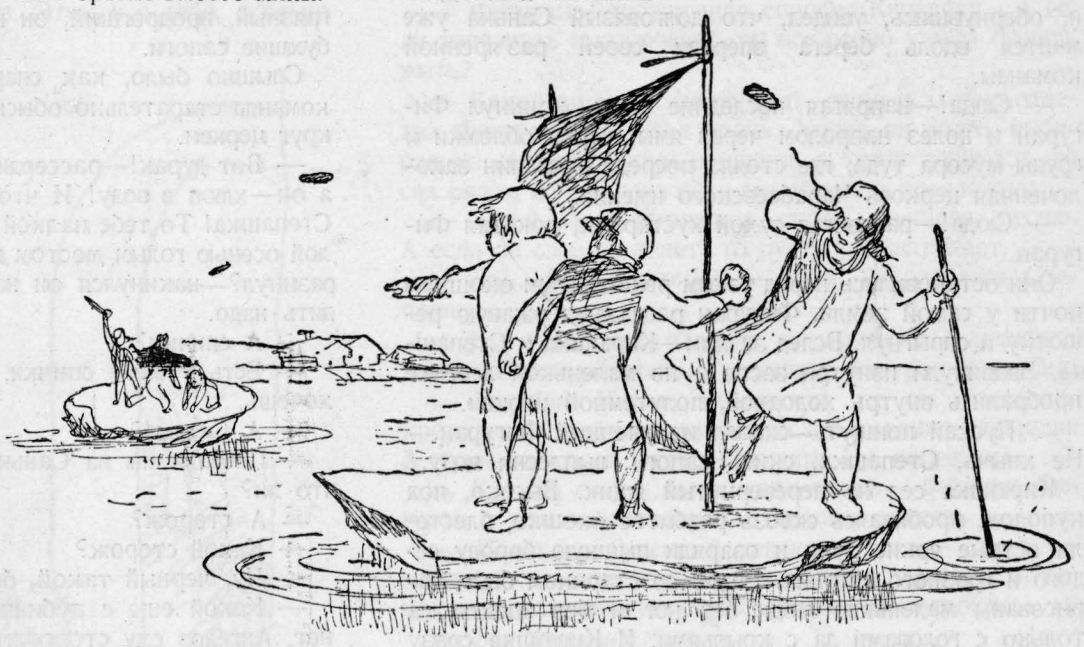
Но было уже поздно. Пока Степашка перехватывал шест, пока отталкивался, тяжелое, чуть виднеющееся над водой бревно ударило о левый борт. Крейсер накренился, и вся команда полетела на палубу.

— Бей из всех батарей,—закричал Фигуран и, схватив тяжелую палку, прохнул по опасному миноносцу.

Но это получалась уже не игра. Палка треснула Павлушку по затылку и сбила его фуражку в воду. В ответ с миноносца метнулся тяжелый шест и едва не сшиб Кирюшку за борт.

— Упадем!—захныкал Степашка.—Теперь поймают, крепко бить будут.

— Пусть сначала поймают,—буркнул Фигуран.— Натягивай парус. Стой, Кирюшка, и чуть что—бей остальными комьями.



— Бей из всех батарей!— командовал Фигуран.

Крейсер вздрогнул и под озлобленные выкрики преследователей быстро понесся в ту сторону, где виднелось устье неширокого канала.

— Уйдем,—подбадривал Фигуран.—Пойдем по каналу, завернем на круглый пруд, оттуда—к мостику. Когда еще они туда дотяпают! И чтобы показать, что он нисколько не боится, Фигуран поднял шапку на шест и, гримасничая, подпрыгивая, громко заорал тут же сочиненную песню:

Санька жулик, Санька вор,
Санька курицу упер...
Это было в прошлом годе
На колхозном огороде!..

— Ловко я его? Ишь, как ругается. Так тебе и надо, куриный обжора!— громко заорал Фигуран.— Я еще не про такие твои дела спою.

Однако положение крейсера оказалось совсем неважным. Едва вошли в канал, как на пути появился ловучий лед. Пока лед попадался редко, кое-как еще маневрировали. Но когда завернули вправо, то сразу очутились посреди густого ледяного поля. А тут еще крейсер, уже поврежденный ударом мины, при первом же толчке содрогнулся, и поперек полубы протянулась угрожающая трещина.

— Пробиваемся к берегу!—скомандовал Фигуран.— А ну, нажимай, Степашка.

— Бить будут,—захныкал покрасневший от натуги Степашка.—Говорил—игра, а сам—по башке палкой.

Кирюшка молчал. Все еще не опомнился он от боевой горячки, все еще булькала перед ним вода, хлопал рогожный парус и обжигали лицо брызги холодной сверкающей воды.

Уже у самой земли льдина треснула пополам, и Степашка, неловко поскользнувшись, провалился по пояс в воду. Кое-как вытащили его на берег.

И было самое время. Уже догадавшиеся о том, что крейсер попал в беду, с шумом и грохотом вынеслись из-за поворота преследователи.

Слева—вода, справа—кустарник и залитые водой ямы—увильнуть было некуда. Окоченевший, мокрый Степашка в тяжелых, разбухших сапогах бежал медленно и жалобно вопил, чтобы его не бросали.

— Не ори, дурак! Не бросим!—зашипел Фигуран и, обернувшись, увидел, что долговязый Санька уже мчится вдоль берега впереди своей раз'яренной команды.

— Сюда!—напрягая последние силы, крикнул Фигуран и полез напролом через ямы, через обломки и груды мусора туда, где стояла посреди развалин заколоченная церковь Чарабаевского имения.

— Сюда!—раздвигая сухой кустарник, показал Фигуран.

Они остановились перед узким решотчатым окошком почти у самой земли. Фигуран распахнул ржавую решотку и спрыгнул. Вслед за ним—Кирюшка и Степашка. Задвинули изнутри засов и по маленькой лесенке пробрались внутрь холодной, полутемной церкви.

— Пускай поищут,—сказал измученный Фигуран.— Не хнычь, Степашка, скинь сапоги, выплесни воду.

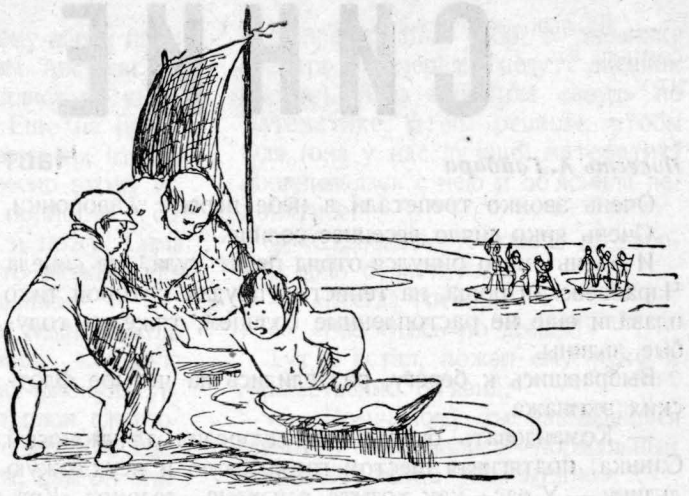
Кирюшка сел на перевернутый ящик. Высоко, под куполом, пробиваясь сквозь разбитое окошко, блестели острые яркие лучи и озаряли пышную бороду седого и грозного старика. Рядом со стариком были нарисованы маленькие люди без ног и без живота, а только с головами да с крыльями. И Кирюшка сразу же догадался, что старик—это и есть самый главный поповский бог, а крылатые головы—это его ангелы.

С любопытством рассматривал Кирюшка яркие облупившиеся стены, позолоченные деревянные ворота и великое множество всяческих икон и картин.

На одной картине был изображен закутанный в простыню тощий черноволосый дяденька, который по длинной как пожарная лестнице проворно забирался на самое небо.

На другой—какой-то генерал, а, может быть, и царь стоял перед святой девицей. И надо думать, что девица эта крепко ругала и царя и его гостей, потому что один гость становился уже на колени, а другой так и обалдел, разинув рот и сжимая в руке жареную гусиную ногу.

Потом он увидел картину, где святого старца запихивали головой в печку. И еще картину, где кого-то стегают плетьми. И еще и еще разные забавные священные картины со святыми, с палачами, с ангелами и с хвостатыми и зубатыми зверьми.



Кое-как выволокли неловкого Степашку на берег.

— А где же чорт?—заинтересовался Кирюшка. Однако чорт, вероятно, спрятан был где-либо в темном месте, и на глаза Кирюшки он не попадался.

Тогда Кирюшка спросил об этом у Степашки. Но Степашке сейчас было не до чорта. Мокрый до пояса, грязный, продрогший, он никак не мог натянуть разбухшие сапоги.

Слышно было, как снаружи взбешенная сенькина команда старательно обыскивает кусты и закоулки вокруг церкви.

— Вот дурак!—рассердился Фигуран.—Мы на берег, а он—хлюп в воду! И что ты за несчастный человек, Степашка! То тебе палкой по шее, то в воду, то прошлой осенью голым местом в крапиву сел. А ты что рот разинул?—накинулся он на Кирюшку.—Костер разводить надо.

— А спички?

— Есть у меня спички. А щепок на полу сколько хочешь.

— А Санька?

— Плевали мы на Саньку. Что он решотку вырвет, что ли?

— А сторож?

— Какой сторож?

— Ну, черный такой, бородатый, с дубинкой.

— Какой еще с дубинкой? Тут никакого сторожа нет. Ангелов ему сторожить, что ли?

Наломали трухлявых досок, натащили раскрашенных деревяшек, положили на каменную плиту и подожгли. Тысячами огоньков заискрилось и отразилось пламя на узорчатой позолоте разноцветной люстры, на посеребренных иконостасах, на подсвечниках и на пыльных стеклышках разноцветных лампадок.

— Снимай штаны и залезай на ящик!—скомандовал Фигуран. Выжми да к огню—разом просохнут. Ну, что ты глаза выпучил?

— Да-а!.. А как же я без штанов?—покосившись на образа, завопил опечаленный Степашка. — Разве же здесь баня?.. Тут церква...

Фигуран плюнул.

— А что тебе церковь?—возмутился Кирюшка.— Бога нет. Святые—обманщики. Попы—жулики. У нас на заводе—в церкви кино, а на колокольне—прожектор.

— Да ведь то кино... а то штаны скидывать, — засомневался Степашка.— Ну я скину, а в чем же? Так, что ли, голый?

— В мое пальто завернешься,—позволил Кирюшка.—А мне и так возле огня тепло.

— В бога только глупые верят. Да которых попы обманули,—усаживаясь рядом со Степашкой, продолжал Кирюшка.—Ну-ка скажи, если бы был бог, разве позволил бы он советскую власть? Он грохнул бы молнией, да громом, да ветром затряс бы землю. Так бы все и повалилось. А то ничего не валится.

— А учитель рассказывал, что где-то на Кавказе один раз земля дрогнула и что-то там повалилось.

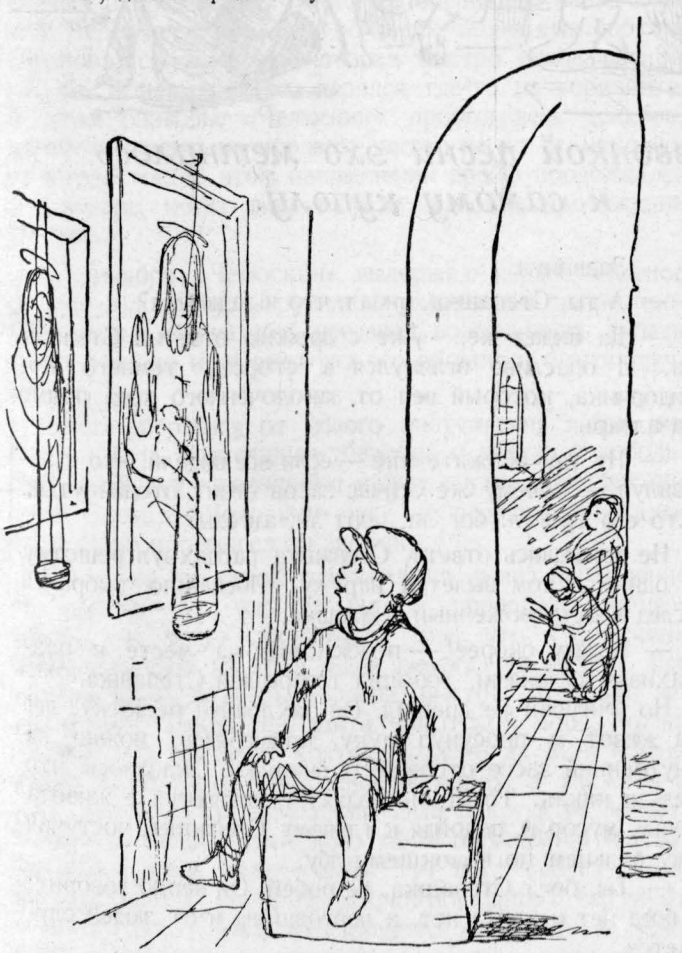
Кирюшка насупился:

— Так это что? Ну дом какой-нибудь повалился, заборы. Так на их месте новые еще могут построить. Это просто землетрясение. А советскую власть все равно никогда не стрясет.

— А у нас к одной бабке пришел монах, попросил милостыню, а баба его тронула, — не унимался Степашка.—Вот он обернулся и говорит:—«Баба, баба, не будет тебе теперь житья от бога!» И что ты думаешь! Прошло года три или четыре. Она уж совсем и позабыла. Пошла баба на свадьбу. Песни пела, с мужиками плясала. Одного только вина почти целый литр выпила А ночью схватило у нее живот да на другой день и померла. Вот он ей как правильно предсказал.

Но тут же Кирюшка совсем рассердился. Он облизал губы и сунул Степашке фигу.

— Вот еще предсказатель... Кабы она сразу грохнулась, а то через четыре года. Этак и я тебе, сколько хочешь, давай предскажу.



С любопытством рассматривал Кирюшка яркие облупившиеся стены.

— А ну предскажи,—ухмыльнулся Степашка.

— И предскажу. Все в точку. Ну вот... Вернешься ты сегодня домой, а мать увидит мокрое пальто да взбучку задаст. Неправда, что ли?

— Может, не заметит,—поеживаясь, возразил Степашка.

— Обязательно заметит,—злорадно продолжал Кирюшка.—Ну вот... придет лето—будешь ты по чужим садам да огородам лазать. Хозяева поймают да крапивой да крапивой хорошенько. Ну потом вырастешь, а потом обязательно помрешь. Все, все в точности предсказываю,— с азартом закончил Кирюшка.— Об чем хочешь давай спорить, что все так и будет. А ты мне монах да монах! У нас из города всяких монахов давно повыгнали. Это вот возле таких дураков как ты только им и житья осталось.

Взглянув на Фигурана, Кирюшка замолчал. Фигуран насторожился, приложив ладонь к оттопыренному уху, и показал ребятам кулак.

— Что ты?—шопотом спросил, испугавшись, Степашка и поспешно двинулся к костру за своими штанами.

— Кажись, Санька у решотки возится,—тихо ответил Фигуран.—Пусть попробует, все равно снаружи не отпереть.

Фигуран поднялся и на цыпочках, размахивая длинными руками, пошел к лесенке. Он спустился до половины, постоял и вернулся назад.

— Нет никого,—успокоил он.—Должно быть кто-то торкнулся и ушел.

— Фигуран,—добродушно спросил Кирюшка,—а если твоя мать выздоровеет, ты все равно у деда будешь жить?

— Какой он мне к чорту дед!—тихо и злобно ответил Фигуран и отошел прочь. Ходил он долго, выбирая из рухляди чурки и щепки, а когда вернулся, то сел рядом со Степашкой и неожиданно предложил:

— Давай, брат Степашка, споем военную песню. А если он слов не знает, то пусть подхватывает.

— Да!.. А в церкви-то...—опять заколебался Степашка.

— Ну, балаболка, заладил: в церкви да в церкви... И чтобы подзадорить Степашку, Фигуран похвалил:

— Ты, брат Кирилл, не смотри, что он с лица такой, как будто бы его чурбаком по макушке стукнули. А голос-то, голос... соловей-птица. Ну, запеваем:

— *Как за синим лесом гром-гроза...*—затянул Фигуран и резко подтолкнул Степашку локтем.

— *Командир Буденный красным сказал,*— даже неожиданно до чего звонко, подхватил Степашка и, сощурив подслеповатые глаза, грозно нахмурился:

— *Все ли вы на месте?*

Скоро бой.

Трусы, с коней слезьте!

Храбрые,—за мной!

Хорошая это была песня. Всегда от таких песен смелее шагал и прямее смотрел Кирюшка. А однажды, в первомайский праздник, залез он на высокую стену, чтобы расправить красный флаг. И упал. И больно расшибся. И не плакал.

— Что плакать? Люди не от такого и то не плакали.

Под конец Степашка взял так высоко, что зазвеневшее эхо метнулось к самому куполу и вместе с парой испуганных ласточек стремительно умчалось через солнечный пролет разбитого окошка.

— А ты еще наврал мне, что кулак,— пристыдил Фигурана раскрасневшийся Кирюшка. — Это хорошая песня, советская. А кулак, хоть сто лет пой, все равно у него такая не споется.

Внезапно Степашка взвизгнул и, выскользнув из-под пальто, кинулся к своим штанам.

— Черти! — отчаянно завопил он.— Давай песню... песню. А на заду углем вон какую дыру прожгло. Теперь уж мать обязательно заметит.

— И что ты за несчастный человек? — опять удивился Фигуран. — И всегда тебе если не в лоб, то по лбу. А ну-ка надень штаны.— Степашка натянул еще сырые, но уже теплые штаны и повернулся спиной к свету. Действительно, не заметить было трудно. Подштанников на Степке не было, и сквозь дыру очень ясно просвечивало голое тело.

— Гм, — откашлялся Фигуран. — Это действительно, — он облизал языком губы, приумолк и вдруг придумал:—А мы возьмем да намажем под дырой сажей. Штаны черные и кожа будет черная. Вот и незаметно. Потом придешь да потихоньку зашьешь. Наскреби-ка, Кирюшка, сажи. Дай я ему сам смажу.

— Да-а! — По голому-то! А все ты... Песню да песню! А теперь — сажей, — растерянно бормотал Степашка.

— Так оно надежней будет, — успокоил Фигуран. — Ну вот и готово, совсем как у негра. Айда, ребята! Теперь домой можно.

Затоптали костер, и в церкви опять стало темно и холодно.

— Завтра опять соберемся, — предложил Кирюшка, — игру какую-нибудь выдумаем, шайку!

— Завтра мне никак нельзя—твердо отказался Фигуран. — К завтраму дед проспится, а я еще дратвы да деревянных гвоздей не наготовил.

— И мне нельзя,—добавил Степашка,— завтра в Каштымове ярмарка. Отец с собой взять обещался.

Фигуран остановился. Повидимому, такое степашкино сообщение отчего-то ему совсем не понравилось.

Он помолчал, потом молодцевато присвистнул:

— Подумаешь, ярмарка! Ну что там интересного, на ярмарке? Грязища, мужики все на работе, какая там ярмарка—одни семечки! Я лучше завтра скоренько отделаюсь, а потом махнем все втроем к кривому Федору, на рыбалку: он ухой накормит, Кирюшка дома сахару стырит, чаю попьем — интересно...

— Карусель на ярмарке! — возразил заколебавшийся Степашка.

— Нету там никакой карусели, я вчера еще одного Каштымовского спрашивал. И карусели нет, и тира нет. Говорю тебе, одни семечки. А не хочешь на рыбалку, так чорт с тобой. Мы с Кирюшкой сами сбегаем. Ты только, Кирюшка, стащи побольше сахару, мы там с тобой уху, чаю, а он — пускай за семечками по пузо в грязи шлепает. Сегодня штаны прожег, завтра вовсе сапоги потеряет, а послезавтра пускай ему Санька шею наколотит. Раз он от нашей компании отбивается, значит, и мы за него заступаться не будем.

— Да я не отбиваюсь,—уныло запротестовал Степашка, — тогда и я тоже на рыбалку.

— Ну раз тоже, значит, нечего и рассусоливать. Пошли, ребята.

Кирюшка немножко удивился тому, как быстро передумал Фигуран засесть назавтра за работу. Однако на рыбалке он никогда еще не был и поэтому остался очень доволен.

Они спустились по лесенке, и Фигуран потянулся к решотке. Он постоял, посмотрел на ржавый засов и что-то пробормотал. Потом он обернулся и недоуменно взглянул на ребят, опять сунулся к решотке, запыхтел, присвистнул и развел руками.

— Ну, что ты? — нетерпеливо крикнул Степашка.— Давай вылазь поскорее.

— Кирюшка,— спросил Фигуран,— я в своем уме или без памяти?

— Н-не знаю... Должно быть в своем, — не очень уверенно ответил Кирюшка, с удивлением поглядывая на точно обалдевшего Фигурана.

— Когда мы спрыгнули, я засов задвинул?

От звонкой песни эхо метнулось к самому куполу.

— Задвинул.

— А ты, Степашка, видал, что я задвинул?

— Да видал же,— уже с дрожью ответил Степашка.—И опасливо оглянулся в сторону темного коридорчика, который вел от заколоченного хода прямо за алтарь.

— Ну так скажите мне — если все видели, что я задвинул, — почему же сейчас засов стоит отодвинутый. Кто его трогал: бог ли, чорт ли, ангелы?

Не дожидаясь ответа, Степашка распахнул решотку и одним духом вылетел наружу. Поспешно выбрался вслед и встревоженный Кирюшка.

— Бежим скорее! — подскакивая на месте и размахивая кулаками, торопил товарищей Степашка.

Но Фигуран не спешил. Он захлопнул решотку, лег на живот и просунул руку, примеряясь, можно ли внутренний засов отодвинуть снаружи. Оказалось, что нельзя никак. Тогда он поднялся, отряхнул с живота репье, мусор и, подойдя к глупому Степашке, постучал ему пальцем по взмокшему лбу.

— Ты, брат Степашка, не робей. Он верно говорит: и бога нет и чорта нет, а чертовщина и от людей случается.

(Продолжение следует)

Рассказ капитана Воронина

Мы печатаем статью капитана Воронина, переданную по радио из Уэллена

В первой половине октября 1933 г. против *Ванкарема,* ставшего впоследствии центром спасательных работ, «*Челюскин*» впервые попал в ледяной плен и вынужден был лечь в дрейф. Льдами нас притащило *к острову Колючину,* около которого когда-то зимовало судно Норденшельда «*Вега*».

Наблюдая за льдиной, таскавшей Челюскина, я заметил, что она ломается и становится меньше. Я был уверен, что нас выжмет в *Берингов пролив.* Однако, в последующие дни дрейф кружил нас в самых неожиданных направлениях, таскал то вперед, то назад кормой. Через несколько дней во льдах, под самым бортом, образовалась трещина, которая быстро стала расширяться. Конец трещины терялся где-то на горизонте. В этом разводье «Челюскин» пробыл весь декабрь, дрейфуя сначала на нордвест, затем на юг и, наконец, на юговосток. В этом направлении дрейф продолжался и в январе, когда льды тащили судно на протяжении 90 миль.

25 декабря «Челюскин» выдержал первое сильное сжатие льдов. Мы выгрузили двухмесячный запас продовольствия на палубу, предвидя возможность гибели судна. Однако и на этот раз все обошлось благополучно.

Чтобы уберечься от нового наступления льдов, мы стали искать подходящее убежище и вышли в небольшой залив, образовавшийся между двумя ледяными полями. Больше «Челюскин» уже не передвигался самостоятельно и перешел на зимовку.

Все время, до самой гибели судна, я вел наблюдение за льдами. И чем дальше я продолжал наблюдения, тем яснее становилось мне, что «Челюскин» самостоятельно из этих льдов никогда не выйдет. Все увеличивались размеры торосов, быстро нарастали ледяные поля. Такой лед, как в Чукотском море, можно встретить в западной Арктике только за 82-й параллелью. В Карском и Баренцовом морях, а также и в море Лаптевых столь мощного льда никогда не бывает. Мощность льдов Чукотского моря об'ясняется наблюдавшимся здесь мелководьем: тут встречаются такие ледяные скалы, которые опираются прямо на грунт морского дна. Торосы группируются около них и образуют несокрушимые преграды. Отсюда и проистекала неравномерность нашего дрейфа.

За время зимовки во льдах Чукотского моря «Челюскин» выдержал несколько сжатий. Сильнейший удар нанесли льды в корпус судна 11 февраля. В это время день здесь был еще чрезвычайно коротким. При свете фонарей мы осмотрели наружную обшивку корпуса и положение льдов вокруг судна. При этом мы обнаружили во льдах две трещины, одна из которых шла от форштевня вперед, а другая—от кормы поперек. Это значило, что предстоит новое сжатие. Началась энергичная подготовка к обороне против наступающих льдов.

13 февраля, после обеда, я как всегда направился в палатку физика *Факидова,* расположенную неподалеку от судна, на льду. Здесь с помощью различных инструментов ученый вел наблюдения за колебаниями льда. Вскоре после моего прихода инструменты дали знать, что льды пришли в движение. Я немедленно вернулся на пароход. Впереди оглушительно шумели, надвигаясь на судно, торосы. Ледяная стихия неумолимо наступала на стонавшее судно.

В 1 ч. 20 м. дня при пурге и 30-градусном морозе наступление торосов стало особенно угрожающим. Тогда было отдано распоряжение — выгружаться на лед. В этот момент страшный толчок отбросил судно на 10 метров в сторону. Машины сдвинулись со своих оснований. В пробитый льдами левый борт хлынула вода, заливая второй трюм, котельное и машинное отделения.

«Конец!»—сказал я сам себе и скомандовал: «Все на выгрузку!»

Заранее во всех деталях продуманная подготовка к моменту возможной катастрофы и дисциплинированность коллектива позволили в течение двух часов выгрузить на лед двухмесячный запас продовольствия, все судовые приборы, чертежи «Челюскина», документы, дневники, научные аппараты и шлюпки. Мы успели также обрубить тали и найтовы, надеясь, что многие деревянные части всплывут после того, как судно погрузится в воду.

Вместе с *Отто Юльевичем Шмидтом* мы стояли у кормового трюма, наблюдая за выгрузкой. Лед наседал на носовую часть судна и подминал ее, уводя все глубже и глубже в воду. Мы следили, чтобы, когда вода покроет форштевень, скомандовать: «Все на лед!»

И вот решительный момент наступил. Команда подана... Я никогда не думал, что возможны такой порядок и организованность при гибели судна. Все спокойно сошли на лед, и только завхоз «Челюскина»—комсомолец *Боря Могилевич,* прыгнув вместо льда на сильно накренившуюся палубу, погиб, подмятый бочками и бревнами...

Оставалось сойти на лед капитану. Но мне не пришлось этого сделать, так как резким толчком внезапно вздыбившейся кормы меня сбросило на лед помимо желания. Через мгновение на месте, где еще недавно виднелся резко очерченный профиль «Челюскина», осталось дикое, хаотическое нагромождение льдин, всплывали шлюпки, ящики, бревна и даже бочки с горючим...

В палатке Факидова немедленно устроили женщин и детей. Без паники, спокойно, стали готовиться к первой ночевке. Быстро соорудили пять палаток. Всем участникам экспедиции и экипажу «Челюскина» были розданы спальные мешки и малицы.

Наутро, умывшись снегом, вытащили на лед все, что всплыло, и, подсчитав запасы, стали еще спокойнее за свою дальнейшую судьбу: на ближайшие два месяца мы были обеспечены всем необходимым в наших условиях.

Когда «Челюскин» стал погружаться в воду, сигнала «SOS» мы не давали, прекрасно понимая всю бесполезность призыва о быстрой помощи в таких широтах. Наш радист *Кренкель* быстро установил на льду аварийную радиостанцию, а Отто Юльевич Шмидт послал сообщение о происшедших накануне событиях. Это сообщение принял *Уэллен,* о чем нам стало известно назавтра, когда была установлена двухсторонняя связь с береговыми радиостанциями. По радио мы с радостью узнали об энергичных мерах, предпринятых правительством для нашего спасения.

Жизнь в лагере Шмидта шла размеренно и сравнительно спокойно. Все много работали и много учились. Уверенность в своевременной помощи ни на минуту не покидала нас. Благодаря прекрасной радиосвязи мы были в курсе всех спасательных мероприятий и терпеливо ждали в лагерь первых самолетов.

5 марта появилась первая стальная ласточка—самолет *Ляпидевского,* который забрал и доставил на берег всех женщин и обоих детей из нашего лагеря. Признаться, мы все облегченно вздохнули: мужчинам переносить ледовой плен было значительно легче.

Каждый последующий день приносил все новые и новые вести об успешном продвижении на север летчиков *Молокова, Каманина, Водопьянова, Доронина и Слепнева.* Наконец, мы увидели всех их на нашей площадке—крохотном ледовом аэродроме среди торосов, самом неблагоустроенном аэродроме на всем земном шаре. В каких-нибудь четыре дня они перебросили всех челюскинцев на родной, советский берег.

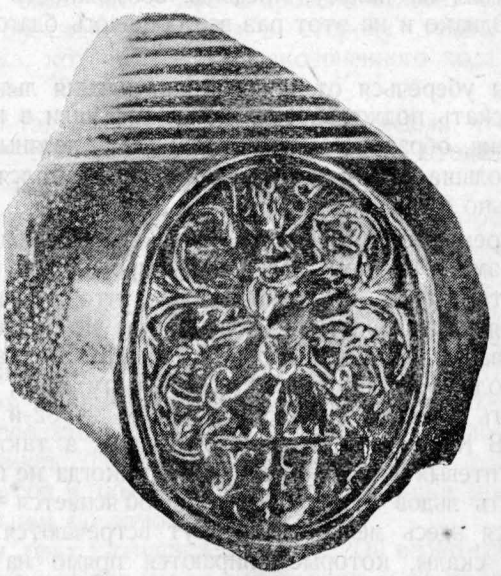
В ночь на 13 апреля в лагере осталось шестеро: *Бобров, Кренкель, Иванов, Загорский, Погосов и я.* Всю эту ночь я провел без сна. В палатке горел фонарь. Я зажег примус, вскипятил себе чаю, вымыл посуду и все аккуратно прибрал, оставив в палатке—по морскому обычаю—запас продовольствия и вещей, необходимых человеку, который бы вдруг оказался заброшенным на эти льдины. Мне хотелось, чтобы лагерь Шмидта, даже покинутый его обитателями, не был похож на хаотические лагери иностранных экспедиций, какие мне приходилось видеть хотя бы на острове Рудольфа в 1929 г.

С рассветом я вышел на воздух. Было ясно. Кругом царило безмолвие. Немного позже радисты сообщили, что за нами летят три самолета. Я стал заделывать вход в палатку, чтобы туда не залез медведь и не разгромил оставленных мною запасов. Вот вход в палатку заколочен. Глядь, забыл шапку. Пришлось отодрать одну из досок, взять шапку и заколотить вход снова. Но только заколотил, вижу: забыл рукавицу. Пришлось заколачивать третий раз...

В это время загудели моторы самолетов: их голос привел меня в себя, он звал снова к работе!

В Ванкарем я летел с Молоковым—прекрасным человеком и отличным пилотом, спасителем 39 челюскинцев. Низко-низко, над самым лагерем, сделал Молоков прощальный круг. Вслед удалявшемуся самолету приветно вился по ветру алый стяг, оставленный нами на вышке в лагере. Через 50 минут мы были в Ванкареме, а через час уже летели в Уэллен.

Честь и слава нашим родным героям-пилотам, успех которых окрыляет нас, полярников, зовет к новой борьбе за освоение Великого северного морского пути.



Зимовщики Новой земли обнаружили место стоянки знаменитого голландского путешественника Баренца. Найден ряд вещей, принадлежавших экспедиции. Находка доставлена в Ленинград и хранится в музее Арктического института. На снимке: ключ, гарпун и герб (из найденных вещей).

Злобная Аминаиса

Рассказ матери, работницы трехгорной мануфактуры П. Ермолаевой, в ответ на письмо Дубровского.

— „Ешьте до конца"— прошипела Аминаиса.

Это было 17 лет назад, но когда сейчас мне приснится Аминаиса Владимировна, я вся дрожу, плачу и только когда просыпаюсь, вспоминаю, что я уже не девочка, что у меня самой сын пионер, что никакие учителя мне теперь нестрашны.

Вот какие воспоминания оставила мне школа.

Я четыре года училась в закрытом учебном заведении в маленьком городке на Урале. Нас там жило 100 девочек. Жили мы как в казарме: встаешь по звонку, ложишься по звонку, обедаешь по звонку, гуляешь по звонку. Так надоел нам этот проклятый звонок, что мы иногда запихивали в него бумагу, чтобы он хоть немного помолчал.

Но страшнее звонка была Аминаиса Владимировна, самый лютый наш враг. Это был злобный и бездушный человек, который ненавидел весь мир и нас, девочек-учениц, больше всех.

Учитель был царем и богом в нашей школе, и если уж он захочет сжить со свету кого-нибудь, то ему это удастся.

Один раз мы с подругой опоздали на обед (нас задержал другой учитель). Приходим — все уже обедают. Мы чуть не умерли от страха: посреди столовой стоит Аминаиса Владимировна: «Вы почему опоздали?»

Мы стали что-то лепетать в ответ, но она и слушать не хочет, потащила нас к столу, поставила миску с кашей, которая полагалась на шесть человек, и говорит: «Ешьте до конца».

Мы начали есть. Давимся этой сухой кашей, а есть надо. Хорошо, что девочки помогли: растаскали кашу горстями, пока учительница не видела.

Были среди нас и нацмены. Помню одну девочку-чувашку, Маню Спинову. Ей трудно было учиться: плохо знала русский язык. Сидит, зубрит, зубрит, а в голове ничего не остается.

В 10 часов — звонок ко сну, и никакая сила не может заставить тебя вылезть из постели. Но когда надзирательница уходила, девочка тихонько как мышка вылезала из-под одеяла, брала лампадку и босиком шла в кладовую учить непонятные русские фразы.

Ночью Маня шла в кладовую учить непонятные русские фразы.

Мы лежали в кровати, не спали и гадали, поймают ее или нет. Все мы хорошо знали, что бывает за такое нарушение правил: заставят мыть уборную целую неделю.

Вот как «помогали» у нас отстающим!

Но больше всего изводила нас Аминаиса. Один раз весь класс не успел выучить урока. Она в наказание решила не учить нас совсем. Приходит в класс, садится за стол. Мы встаем. Она сидит, молчит. Мы начинаем умолять ее:

— Простите нас, задайте нам урок, мы больше не будем!

— Простите нас, задайте нам урок, мы больше не будем.

А что «не будем», сами не знаем. Целый урок умоляем, а она, как каменная.

Так в течение целого месяца вместо урока геометрии у нас были просьбы и уламывания этого черствого, отвратительного человека, который лучше всего представлял собой всю систему воспитания царской школы.

Вторым нашим мучителем была церковь: молиться надо было много, долго и усердно.

Суббота вся проходила в молитвах. После урока мы строем шли в церковь, и там часа по три надо было простаивать неподвижно. Некоторые девочки засыпали, стоя с молитвенниками в руках. Приходим домой, поужинаем—и опять молитва. До 11 часов ночи разучиваем церковное пение, потом спать, а с утра — снова «отче наш».

Так прошли четыре года моего детства в холодной, каменной казарме.

И не знаю, от чего: то ли от того, что нас притесняли и мы должны были об'единяться против общих врагов — учителей, но такая у нас была дружба между девчатами, что за четыре года я не помню ни одного случая предательства и ябедничества. А ведь случаев для этого было сколько угодно! Учителя всячески поощряли ябедничество. За него можно было получить пятерку, не зная ни одного урока, но мы предпочитали получать единицы и не предавать товарищей.

Вот такой я была в школе.

А вы как думаете?

Я знаю, что вы, ребята, не любите нотаций и нравоучений, и если уж мамаша выступает где-нибудь на собрании, ребята с'ежатся и так и ждут: «Ну, сейчас рутать будет».

Такая уж привычка, видно, у всех мам, и я сейчас не могу удержаться от того, чтобы не сказать: я училась в ужасных условиях гнета и притеснения, но такое стремление было у меня к науке, что несмотря на это я всегда получала «хорошо» и «отлично».

Смотрю я теперь на вас, ребята, и думаю: «Только бы вам и учиться». Так нет же! Находятся такие ребята, которые хулиганят. Чего им не хватает? Учебники есть, обувь есть, кормят его в школе, помогают ему. Но парень учиться не хочет, лодырничает, пропускает занятия, не готовит уроков.

Может быть, это и чересчур строго, но я бы считала, что таких ребят надо удалять из школы: не хотят учиться, пусть не мешают другим и не висят на шее у государства.

А вы, ребята, как считаете?

П. Ермолаева

Дубровский, Дубровский, мы тебе отвечаем

Отклики читателей „Пионера“ на письмо Дубровского. Откликов пришло 246. Мы не можем поместить все. Помещаем за и против

Я виню школу, отряд, ячейку!

Я ударник учебы бакалинской школы колхозной молодежи. Я за Дубровского. Он прав. В нашей школе был такой же ученик. Он шалил на уроках, хулиганил на переменах.

А отчего? Лишь от того, что в школе не было никакой воспитательной работы, ни игр, ни песен. Уроки проводились скучно, и ребята шалили.

А потом все изменилось: переизбрали ДСУ, и работа пошла по-иному: на переменах игры, песни новые разучиваем, живгазета.

Втянулся в работу и наш хулиган. Ему дали нагрузку, и ему уже некогда хулиганить на переменах.

На уроках скучно было, учителя это поняли и стали по-другому занятия вести: так, чтобы все участвовали в проработке материала. Уроки стали веселее и интереснее, и наш хулиган стал гораздо внимательнее, теперь даже хорошо учится!

Так и Дубровский. У них плохо работают ДСУ, пионеротряд, ячейка ВЛКСМ. Нет воспитательной работы. Ребята-учкомовцы сами с ним хулиганят. А учителя проводят уроки скучно. Поневоле шалишь, только бы не уснуть.

Я сам секретарь комсомольской ячейки в нашей школе и знаю, как надо построить работу, чтобы отвлечь ребят от хулиганства, а потому я виню школу, отряд и ячейку ВЛКСМ.

Я ЗА Дубровского.

Башкирия, с. Бакалы, ШКМ.
Анатолий КОСТРОМИН

Нужно взяться за учебу!

Я был в школе одним из лучших шалунов и бузотеров: обо мне ставили вопрос на учкоме, протаскивали в газете, домой отсылали и вызывали мать в школу — ничего не помогало.

Мое поведение надоело всем учителям.

И, наконец, терпенье их лопнуло, и они категорически настаивали, чтобы меня убрали, нето они перестанут вести здесь уроки. Тогда меня перевели с предупреждением в другую группу.

Я испугался, что совсем из школы исключат, и присмирел.

Ты пишешь, что если сидишь тихо, то все равно на тебя наговорят. Нет, Дубровский, ты неправ. Этого никогда не может быть, потому что учителя советской школы — наши старшие товарищи, они всячески стараются нам помогать.

Я это знаю по себе. Сейчас, когда улучшилось мое поведение, все учителя помогают мне ликвидировать „неуды“, получившиеся от плохого поведения и невнимания. От дисциплины зависит многое.

Тебе необходимо как и мне взяться за учебу, ликвидировать „неуды“. Обратись к учителям за помощью, они тебе ее окажут.

Л. СИМХОВИЧ

Уч. 7-й гр. ФЗД № 6,
Сталино (Донбасс).

Я был хуже всех!

Дорогой Дубровский! Со мной была тоже такая история, как и с тобой. Я попал под влияние разгильдяя Сухова: кидался на уроках записками, разговаривал и т. д. Меня несколько раз вызывали в канцелярию.

Баловство мое привело к плохим результатам: я снизил все отметки (это было во 2-й четверти 1934 учебного года). Мне даже обидно стало—хуже всех я оказался.

И тогда я заявил учсовету, что баловаться больше не буду.

Для этого первым делом я прекратил дружбу с Суховым. И теперь про меня не говорит никто, что я баловник, а, наоборот, дело идет к лучшему.

В первой четверти у меня были один «очхор», пять «хор» и четыре «уд».

Во второй четверти—три «хор», пять «уд» и один «неуд» (в этой четверти я больше всего баловался). В третьей четверти картина иная: у меня одиннадцать «хор» и три «уд».

Видишь, к чему привело хорошее поведение!

И Сухов, у которого нет теперь товарища-хулигана, начинает исправляться.

Рекомендую тебе сделать то же самое—и у тебя дела пойдут хорошо.

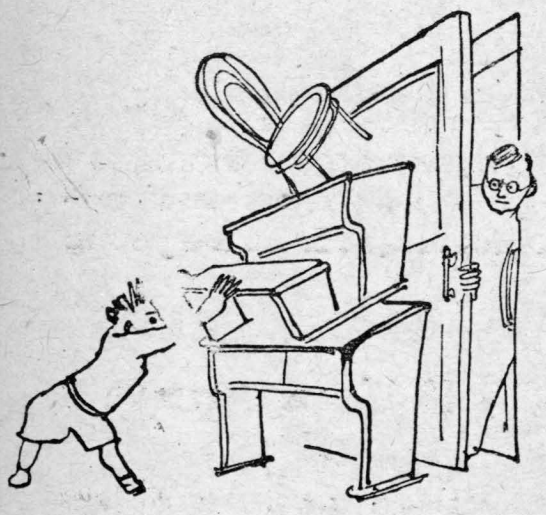
С пионерским приветом —
Володя СИЛЯЕВ.

Ученик 6-й группы «А».
Лаптевской ФЗД.

Ц. 25 коп.

199102

Корень зла



Гриша Скороходов—„герой“ чугуевской школы.

Таких, как Дубровский, в нашей школе очень много. Но они под влиянием пионерорганизации, ДСУ, товарищей постепенно исправляются.

Вот например Гриша Скороходов раньше был бузотером и дезорганизатором. Это мешало работе 6-й группы «Б». Бывало, припрет Гришка партой дверь — учитель никак не достучится в класс.

Групсовет сперва вызвал мать, протащил его в стенновке, но это не помогало.

Тогда на помощь пришел пионеротряд. По-товарищески поговорив, выяснили, что Гришка умеет распоряжаться, командовать. Сперва ему поручили организовать физкультkружок, а потом даже выбрали председателем группы.

Теперь Гришка не бузотер, а активный пионер, ударник в учебе, в работе ДСУ и пр.

Почему не сделать с Дубровским так, как мы сделали со Скороходовым? Наверно, плохо работает ДСУ и пионерорганизация 25-й московской школы.

По-моему, Дубровский невиноват. Виноваты в этом ДСУ, пионерорганизация, которые не поставили дела так, чтобы вовлечь в работу всех Дубровских.

На уроках скучно, культразвлечений на переменах нет—вот в чем корень зла.

Деткор МЫКОЛА КОРЖ.

Гор. Чугуев, Харьковской области, УССР, 2-я школа.

Поправка

В № 4 журнала, в рассказе „Боевое задание“, автор Н. Баутин называет фамилией известного в Краснопресненском районе педагога Ек. Вас. Спиридович начальницу женской гимназии, которой тов. Спиридович в действительности не была.

Редакция, поместив этот рассказ с упоминанием имени Спиридович, была введена в заблуждение автором, который привлекается к ответственности.

Ты не бандит!

Ты не бандит, и думаю, что бандитом тебя никто не выставляет. Но, судя по твоему письму, по твоим поступкам, ты заслуживаешь—и вполне правильно—звания бузотера, школьного хулигана. Своими поступками ты позоришь не только себя, но и ребят и всю школу.

Ты хорошо сам сознаешь, что это нехорошо, а все же ты делаешь. Если тебе скучно на уроках, то это не значит, что ты должен на уроках «потихоньку бузить», «не очень сильно» разговаривать и кидаться записочками.

Это можно сделать на переменах, Дубровский!

Ты являешься советским школьником, а советский школьник должен учиться так, как учился, когда был школьником, В. И. ЛЕНИН.

Владимир Ильич в детстве был очень живым, бойким, жизнерадостным мальчиком. Любил смех, шутки, рассказы. Любил играть в шахматы, городки, кататься на коньках, на санках, рыбу удить.

Учился прекрасно. Много читал, многим интересовался.

Ты приходишь в школу раньше времени для того, чтобы хулиганить, а Ленин приходил в школу раньше времени для того, чтобы помогать в учебе отстающим.

Для того, чтобы тебя не ругали, не устраивали тебе скандалов в семье, не называли тебя бузотером, хулиганом, чтобы тебе не было скучно, запишись в какой-нибудь кружок. Если нет кружков, добейся того, чтобы организовали. Возьми на себя обязательство — никогда и нигде не бузить, не хулиганить. Выпиши и читай газету «Пионерская правда», журналы для ребят. Бери в библиотеках и читай книжки.

Будь ленинцем, Дубровский!

М. ЛАЗАРЕНКО

Москва, Русаковская ул., д. 50, 21-я школа.

ЭТО САМОЛЕТЫ ДЛЯ ИГРЫ „СПАСЕНИЕ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ“

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдан в набор 27 V—34 г., подписан к печати 10 VI—34 г. Изд. № 584 Формат 1½, 62×94 см. 1½ б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—84496. Типография газеты „Правда“, Москва, ул. Горького 48. Заказ № 776 Тираж 50.000

Отпечатано в типографии «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.